

18+ Евгений Карпенко

Линии дней

Евгений Борисович Карпенко

Линии дней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25911803

ISBN 9785448566998

Аннотация

Проза Евгения Карпенко подкупает современными реалиями. Он пишет о том, что хорошо знает. Его герои легко узнаваемы, отношения между ними сложны и полны непредсказуемых оборотов, их судьбы – драматичны. Впрочем, как и в самой жизни – горе и радость переплетаются, и не всегда можно предугадать, куда и в какую сторону забросит человека его планида. Книга адресована широкому кругу читателей.

Содержание

Этоко	5
1	5
2	7
3	10
4	13
5	16
6	20
7	23
8	27
9	29
10	32
11	36
Жена	38
Грушевая роща	99
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Линии дней

**Евгений Борисович
Карпенко**

© Евгений Борисович Карпенко, 2017

ISBN 978-5-4485-6699-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Этоко Рассказ

1

Теперь можно лишь предполагать, что именно повлияло на решение отца осесть в этом посёлке, – дешевизна жилья, близость Пятигорска, либо что иное. Было же так: с устным обязательством поработать в местном совхозе, отец прописался здесь в один день, ещё в один приобрёл по сходной цене крытую камышом вросшую в землю хатку-мазанку с наделом в двадцать соток и старым яблоневым садом. До Пятигорска и впрямь рукой подать, километров десять-двенадцать, отчетливо виднеются контуры Машука, раскинувшийся у подножия город. Преимущества участка очевидны: на асфальтированной улице, в двухстах метрах оживлённая дорога, остановка пригородного автобуса. Подъезд ко двору хотя и затруднителен, однако небольшими силами поправим.

Этоко село небольшое, всего в две улицы, дворов в сто. По советским меркам зажиточное: дома кирпичные, каменные, четырёхскатные крыши крыты шифером, частью железом, а порой и черепицей. У ажурных ворот нарядные лавочки. Почти в каждом дворе мычанье и блеянье домашнего

скота, kloкочут индюки, кудахчут куры.

Этоко – село кабардинское. Некоренное население здесь до нашего приезда представляли лишь несколько человек. В их числе до конца своих дней оставалась русская старушка, сельская учительница. И единственным столь запущенным в селе был купленный отцом её участок в местной администрации. Наследников после жизни у неё не осталось.

Не помню, чтобы кого из нас всерьёз смутило данное обстоятельство. Увлечённые замыслом своими руками построить для семьи большой дом, мы мало говорили об этом. Дальше своего носа видят практически все. Однако видеть хотя бы чуть дальше, чем видишь глазами, – удел немногих. Сомневалась в целесообразности поселения здесь лишь мать, но тогда она уже сомневалась в любой из задумок отца.

Отцу в то время было чуть больше сорока, матери 37, мне 15, братьям Андрею 13, Ване 11, Алёше 7, а самому младшему Косте около трёх лет. Власть прочна, валюта устойчива, после брежневского «застоя» повеяло переменами, – на улице весна 1986года. Возможно, именно это и побудило отца к столь радикальным переменам. Продав свой маленький домик, мы снимали квартиру в недалёкой ставропольской станции, а с первыми тёплыми днями с отцом и младшим братом стали на мотоцикле приезжать на участок.

Из транспорта у нас в ту пору имелось два мотоцикла и машина. На сносом ходу был только мотоцикл ИЖ. Трофейные же пятидесятилетний «Опель—Кадетт» и примерно таких же лет выпуска мотоцикл «Индиан» требовали ремонта. Прежним собственником «Опеля» был уникальный автодизайнер-любитель, столь оригинально изменивший облик известной немецкой модели, что без улыбки на нас мало кто смотрел.

Не сказать, чтобы молодёжь Этоко была удивлена, обрадована или возмущена нашим у себя появлением. Скорее, сильно возбуждена. Что-то вроде возбуждения кота при виде другого кота: вздыбленная шерсть, сдавленный вой, шипение.

Пока мы возились с отведением больших луж паводко-

вой воды (участок в низине), детвора, молодые люди группами прохаживались вдоль участка, что-то бурно обсуждали на родном языке, как в объектив видеокамеры неестественно взволнованно косясь в нашу сторону и брезгливо сплёвывая под ноги.

Не улеглось возбуждение и на второй день нашего приезда, и на третий. Лишь с вернувшейся непогодой, когда полил дождь со снегом, столпотворения рассеялись.

В тот день мы впервые приехали на участок с матерью. Накинув капюшон, она задумчиво осмотрела сад, пощупала обломки сгнившего штакетника забора, и, обойдя ширившуюся час от часа лужу, вошла в мазанку. К её приезду мы внутри на полметра выбрали землю пола, ибо потолок был столь низок, что сгибаться приходилось едва ли не пополам.

Растапливая ветками печь, чтобы согреться и просушиться одежды, отец рассказывал матери о предполагаемых планах строительства, своих задумках и прочем. Подперев ладонями подбородок, мать смотрела на огонь, не проронив и слова. К тому времени её вера в отца практически истлела, затухающие угли его не согревали, и, оборвав себя, отец выкрикнул:

– Что молчишь, будто воды в рот набрала? Не веришь, что скоро здесь будет стоять дом?

– Верю, – сказала мать и поднялась. – Поехали назад, малые дети одни дома остались.

Кругом сыро, неуютно, в душе грустно. Помню, как

усаживаясь на мотоцикл, я из-за отцовской спины глядел вдоль заляпанной коровьим помётом пустынной улицы, затем в сторону вождённого Пятигорска: там всё плотно заволочено тучами.

С паводками беда, и первым делом отец задумал поднять общий уровень двора к уровню дороги. За небольшую плату договорившись с перевозчиками строительного мусора на разборке старого здания, он переориентировал их к нам. День за днём самосвалы возили на участок мусор, мы сортировали его, и тачкой развозили. После трёх недель тяжёлого труда сказались первые результаты: вода отступила, явились подъездной путь, площадка.

Как выяснилось, границы нашей частной собственности для местных сохраняла лишь непролазная грязь в месте въезда. С его же устройством, многие из недружественно прогуливающих молодых людей оказались в нашем дворе. Словно на какой-нибудь общественной площадке у делового центра или магазина прохаживались, бурно разговаривали меж собой, дети устраивали игры. Делая свою работу, мы продолжали развозить мусор. Оказываясь на пути нашей тачки, некоторые нехотя отстранялись, особо гордые оставались на месте, и тачкой приходилось их объезжать. Порой кто-нибудь на ломанном русском задавал невнятной логики вопрос, и при нашем недоумении смеялся, остальные подхватывали.

Кроме физической, от каждого из нас требовалось много душевной энергии, чтобы сглаживать там и сям выпира-

ющие углы и шероховатости в рельефе зарождающихся отношений.

«Надо срочно поставить забор» – негромко говорил отец. Зарождались знакомства. У соседа напротив, одноногого Али, одиннадцать детей. Старшие женаты, замужем, живут отдельно. В родительском доме проживают семнадцатилетняя Диана, грубовато сложенная девушка с чёрными, как смоль, прямыми волосами; ровесница Андрея Айана, также черноволосая, смуглолицая, однако более изящная, с классическими чертами лица юной горянки. Между ними Тимур, бывающий порой в обществе непрощенных гостей у нашего двора, встречи с десятой снизошедший до приветственного рукопожатия со мной и Андреем. Далее ровесник Вани Адам, – единственный приветливо улыбающийся нам мальчик, и маленький Аслан. Тот и вовсе неизменно весел, шумен, всё норовит запрыгнуть в тачку, чтобы его покатали.

Эта семья в селе не совсем родная, Али – даргинец. Некогда покорённый красотой кабардинки Асият, женился на ней и переехал сюда. И с тех пор, вот уже почти тридцать лет у местных сохраняется к ним настороженность. Возможно по причине отчасти схожей судьбы, с этой семьёй у нас образовывалось нечто добрососедское. Когда приезжали, обычно сидевший на лавочке немолодой Али приветливо скидывал костыль, когда уезжали – тоже.

Было заметно, что свободного времени у немолодых мужчин Этоко много: частенько заходили к нам, неторопливо

рассказывали отцу что-нибудь не совсем внятное, участливо кивали, а чаще просто стояли молча, с многозначительным видом наблюдая за работой.

Май и начало июня мы строили летнюю веранду, готовили площадку под фундамент дома. Помню отца, в вечерних сумерках от усталости едва волочившего ноги к нашему мотоциклу; раз за разом вжимающего рычаг завода рывком ноги столь слабым, что тот долго не заводился. Помню стекающие с капюшона на лоб и куда-то за ворот отвратительные ручьи весеннего ливня, размытую потоками огромную кучу приготовленного раствора, раздражающую необходимость сегодня же перекидать его лопатой в фундамент, ибо назавтра цемент застынет.

Когда поставили забор, в отношениях с местными образовалось относительное затишье. Инстинктивно чувствуя причину нашего отчуждения, молодые презрительно сплёвывали и шли себе дальше. Детвора же более откровенна:

«Зачем забор сделали? Как приходить теперь?» – возмущался маленький Аслан, почём зря. Для них с Адамом он не стал серьёзной помехой, – уже вскоре оба запросто его перелазили, продолжали играть с младшими братьями. Это были славные ребята; делового толку от них, конечно, не было, но их весёлый, жизнерадостный дух бодрил и нас.

В июне мы переехали. К строительным делам добавилась уйма домашних хлопот, – приготовление пищи, стирка, забота о младших. Из-за перебоев с заправкой газового балло-

на, готовить, греть воду для стирки матери приходилось порой прямо на костре. И хотя отец проявлял внимание к её делам, – требовал, чтобы Ваня и Алёша следили за костром, вовремя подкладывали веток, – она неизменно была к нему холодна.

«...Этот идиотской чадающий костёр, эта жизнь цыганская,... Для чего? Неужели ты и вправду веришь, что сможем долго здесь жить? Оглянись вокруг!» – говорила мать, и, не имея за собой убедительных аргументов, отец сникал.

С переездом у неё появился поклонник из местных, – живущий пятью дворами дальше по улице странноватый тип Музариф, лет около пятидесяти. Не взирая, на присутствующего здесь же отца, нас с братьями, Музариф в парадном пиджаке и шляпе входил к нам во двор, и с полной достоинства улыбкой говорил матери какой-нибудь комплимент. Не проявляя к нему интереса, мама продолжала заниматься своими делами, – готовила, прибиралась. Представленный сам себе, Музариф подолгу стоял посреди нашего двора, гордо парясь в шляпе под летним солнцем. Как-то пришёл он с букетиком полевых цветов. Подарок, ясное дело, был не принят, обиженный Музариф недовольно мял его в руке, и, уходя, сунул в створ ворот.

Не раз мы с братом предлагали отцу выгнать прочь Музарифа, и помню, как однажды он сказал нам: «У меня в отношениях с вашей мамой проблемы глобальные, в сравнении с ними этот гость суший пустяк... Разве мешает он вам? По-

стоит, да сам и уйдёт».

От жизни в Этоко не осталось и одной фотографии. Не знаю, стоит ли об этом жалеть, не стоит, однако несколько бледных картинок того лета в памяти есть-таки: синеватый дым от костра, закопченная кастрюля свежего борща, горы песка, тачка, а посреди двора, словно памятник, вырядившийся в лучшие одежды Музариф с поникшим букетом полевых цветов.

Наш «Опель» также не сохранился в фотографиях. Был он цвета «морской волны», двухдверный, формами отдалённо напоминающий «Москвич» первичных моделей. Как у большинства легковых машин того периода, двери открывались справа налево. Конечно, он много, лет на сорок, отставал от моды того времени, однако ценен был прочностью: металл кузова, ходовая часть, сиденья из толстой кожи, – всё надёжно, долговечно.

Мелких поломок, конечно, достаточно, но серьёзно неисправна была лишь система зажигания. Кое-как наладив её, мы перевезли «Опель» в Этоко. Отогнав вглубь двора, накрыли пологом, отложив более основательный ремонт на другое время.

Проживающему рядом с Музарифом безалаберному на вид Хамиду, было лет под тридцать. Своей семьёй он не обзавёлся и жил у брата Анзора, тракториста в местном совхозе. С сигаретой в зубах сидящим на корточках в компании приятелей его часто можно было видеть у того или иного двора. Проходя мимо нашей стройки, Хамид обычно недовольно сплёвывал, и шел себе дальше. Однако явившийся во дворе транспорт его явно заинтересовал. Зайдя как-то без стука в калитку, он напрямиком направился к машине. Скинув полог, придирчиво осмотрел её и оглянулся к отцу:

– Почему не едешь?

– Аккумулятор сел, зажигание надо подправить... некогда всё, стройка, – отставив лопату, отвечал отец.

– Это ничего, починим, – весело цокнул языком Хамид. – У меня брат, вот такой специалист! Я беру его у тебя!

– Пятьсот рублей отдавай, и забирай! – сказал ему отец.

– Согласен. Это нормальная цена! – на ходу пожав отцу руку, он заспешил к своим делам.

На другой день, когда отец был в городе, Хамид с братом на тракторе подъехали к нашим воротам. В отсутствие отца, мы калитку запирали. Подёргав снаружи ручку и пару раз свистнув, Хамид подобно маленькому Аслану ловко перебрался через забор, и, не обращая на нас внимания, изнутри отворил ворота и свистнул брату:

– Въезжай!

Живо развернувшись во дворе, трактор задом подъехал к «Опелю». Хамид нацепил буксировочный трос, прыгнув за руль, недолго повозился с замком зажигания и скомандовал брату трогаться.

С усилием заурчав, трактор натянул трос, «Опель» вздрогнул и покатился со двора.

– Мы с отцом вашим вчера договорились, – опутив ветровое стекло, на ходу крикнул нам Хамид.

Всё произошло естественно, просто. Не случилось спора, ссоры, тем более скандала.

– Как же так? – вечером недоумевал отец. – Он что, деньги

не оставил?

– Да какие деньги, – отвечала мать. – Он ни с кем из нас даже не поздоровался. Во двор вообще через забор перелез.

– Что, и ключи замка зажигания не спрашивал?

– Нет же, говорю тебе. Вон на столе они, там же техпаспорт...

– Как же беспечны мы здесь, как наивны... – с печалью в голосе проговорил отец. – И блокировку руля сами же отключили. Надо было хотя бы двери машины ключом запореть.

С огорчением он рассказал этот случай нашему соседу через переулок Мустафе, с которым тоже образовались добрососедские отношения.

– Хамид обещал пятьсот рублей? – усмехнулся Мустафа. – Да у этого балбеса нет, и быть не может таких денег!

Весело урча прогоревшим глушителем «Опель» после частьенко проезжал мимо нашего двора. Помню, как однажды отец выскочил на дорогу и перегородил ему путь.

– Что случилось? – недовольно выскочил из машины Хамид. – Зачем по дороге бегаешь?

– Деньги, когда отдашь?

– Что ты грузишь меня этими деньгами? Что, «Мерседес» мне продал? Эта старая развалина всё ломается, брат уже устал её ремонтировать, – закричал Хамид и, размахивая руками, подошёл к отцу. Мы с братом встали рядом.

Случайно оказавшийся у своих ворот Мустафа с инте-

ресом понаблюдал за происходящим, чему-то усмехнулся, и пошёл к своим делам.

Зло, хлопнув дверью, Хамид укатил. Посмотрев ему вслед, отец задумчиво перевёл взгляд себе под ноги, и некоторое время так оставался, в лучах вечернего солнца отбрасывая вдоль дороги длинную тень.

Вернуть машину большого труда бы для него не составило, (достаточно и устного обращения в милицию), но подавленному углубляющимся расколом в отношениях с матерью, отцу было не до этого.

Наш «Опель» мы больше не видели никогда. Позже, дошли слухи, что Хамид продал его в соседнее село. В подобных сделках в подтверждении права собственности, услугах нотариуса, необходимости нет, так что техпаспорт так и остался не востребованным среди документов отца.

Лет тридцать спустя, отыскивая какую-то нужную бумагу, отец случайно наткнулся на эту небольшую серую книжицу. Бережно вынув её из папки, он пошел к свету окна и вздрагивающей рукой одну за другой долго молча перелистывал несколько пожелтевших истрёпанных страничек.

Летние месяцы в памяти хранятся одним очень долгим трудовым днём.

К сентябрю у нас уже стояли стены, крыша. Своим видом, дом естественно вписался в общий ряд улицы.

Замысел отца не удавался. Беспочинная неприязнь местных, утраченная машина, прочие случаи мелкого воровства, подкашивали его веру в обособленную жизнь в этом селе. Раздражаясь от усталости, неуверенности в «будущем здесь дне» он нервничал, кричал на мать и на нас.

Помню, как в один из августовских дней у родителей случилась очень уж жёсткая размолвка, после которой мне стало вдруг отчётливо понятно, что семейной их связи подходит конец. Жаль? И да, и нет. К тому времени меня уже больше беспокоили свои дела, своя жизнь. Нужно было выстроить хоть сколько-нибудь приветливые отношения с местной молодёжью, ехать в город, поступать учиться...

1 сентября в школу пошли трое из нас: Андрей – в восьмой, Ваня в четвёртый, Алёша – в первый класс. В тот же день стало ясным, что затишью с местными больше не бывать. Рано вернувшийся из школы Андрей рассказал, что его задирали одноклассники, обижали Ваню, а Алёшу трепали за волосы.

Кроме прочего, Андрей передал мне настойчивое пред-

ложение от некоего десятиклассника Махоева драться. Кто такой этот Махоев, о чем говорили с Андреем, и зачем, собственно, мне драться с ним, было неясно. Но так как от подобного предложения отказываться не принято, я согласился.

Уже на другой день, у нашего двора собралась толпа человек в двадцать, – свистели, гикали, смешивая кабардинскую и русскую речь, выкрикивали нечто воинственное.

Едва мы с Андреем и Ваней вышли, нас обступили и живо увлекли за дворы на выгон к пастбищным холмам. Впереди всех шагал коренастый, коротко стриженный тип с напряжённо-бойцовским взглядом исподлобья. «Махоев» – догадался я.

С утра был дождь, и, шагая по вытоптанному скотом мокрому склону, я оскользнулся.

– Э-э! Не падай! – обернулись ко мне сразу несколько возбуждённых физиономий. – Пошли быстрее.

Выбрав относительно ровную площадку, остановились.

– Бороться давай, – разминаясь, сказал мне Махоев.

Это было неожиданно, не очень удачно для меня. В школе, которую окончил, у меня было несколько побед в драках, и, готовясь к этому бою, я испытывал умеренное спокойствие. В борьбе же навыков практически не имел. Однако условия здесь не наши, так что «бороться, значит бороться...».

Махоев был ниже меня ростом, ловчее, и лучше держал-

ся на ногах. Взлетая и перекатываясь, я мельком видел возбуждённо гикающую вражескую толпу, испуганных братьев в сторонке, близко от лица пожухлую траву, шарики барахлящего помёта. Скользнув по лепёхе помёта уже коровьего, я неловко рухнул прямо на неё, Махоев упал на меня, ... в общем, поединок тот я проиграл.

Основательно перепачканным, дурно пахнущим и истрапаннанным, я покидал место боя. Рядом уныло плелись братья. Не задерживаясь в обществе побеждённого, Махоев гордо двинулся в сторону селения, повеселевшая толпа за ним. Это была истинная радость победителей: обгоняя, кое-кто с подленькой улыбочкой пытался сочувственно меня приобнять, кто-то на ходу ловко шлёпнул подзатыльника Андрею, а один из малых, резво подпрыгнув, отвесил пинок Ване.

Эх, дорого же обошлось младшим братьям моё поражение! Сомнения относительно возможного с нашей стороны боевого отпора рассеялись, и почувствовавший безнаказанность Махоев уже на другой день в кровь избил Андрея. От одноклассников Маэда и Ахмеда получил тумачков Ваня, его школьная курточка была порвана в нескольких местах, растеряны пуговицы. Здорово потрепали и маленького Алёшу.

Крепко опечалившись, отец пошёл поговорить об этом с отцом Махоева, и вскоре вернулся ни с чем.

«Не лезь, – сказал ему старший Махоев, – пацаны сами разберутся».

На девушек Этоко мы также произвели впечатление. Когда не было парней, живущие на параллельной улице Фатима, Зарина, с гордо поднятыми головами прогуливались по переулку, – крепко сложенные, статные, в нарядных развивающихся одеждах. Порой с ними бывала Зарема, редкой красоты девушка лет шестнадцати – темноволосая, белокожая, с ямочками на улыбчивых щеках.

Однажды ещё летом, когда я копал траншею для водопровода, Зарема шла одна, я негромко приветствовал её.

– Привет, – очень смутившись, пробормотала Зарема, неестественно засмеялась, и, убыстрив шаг, скрылась за углом.

Эти девушки часто приходили в гости к Диане и Айане. Весело болтали на родном языке, чему-то смеялись, игриво косясь в нашу сторону.

После случая с Махоевым, их прогулки по нашему переулку прекратились, а с Дианой, Айаной, Адамом мы стали общаться больше, обсуждая свалившиеся на нас неприятности. Адам рассказывал о Махоеве, что за время учёбы в школе тот никак не отметился чем-нибудь положительным или очень уж отрицательным. И единственно отличавшей его чертой можно назвать лишь проявившуюся с нашим поселением глубокую неприязнь к русским. В этом увлечении

у него образовался круг единомышленников, довольно широкий круг, охвативший большую часть старшекласников. Общие интересы даже сблизили его, например, с братьями семейства Хошпаковых, – Маэдом, Ахмедом, – хотя прежде они даже не здоровались.

Айана также пошла в восьмой класс, а «новенького» Андрея посадили за одну с ней парту. Избиение Андрея она сердцем восприняла очень близко, искренне сочувствовала нам.

Махоев не отставал от Андрея. С обещанием «уничтожить» преследовал его на переменах, время от времени навешивая ему тумачков.

Это подавляло нас. Вял интерес к строительству дома, вяли прочие интересы. Вязли отделочные работы, и только волей отца к зимним холодам мы кое-как подготовили две комнаты, построили печь.

Подступило разочарование в его идеях, жизненной линии, и в моём послушании стали являться сбои. Оставив работу, я всё чаще самостоятельно выезжал в Пятигорск, гулял по осенним улицам, согреваясь надеждой жить здесь, а не в ненавистной республике. Не помню уж как, поступил в девятый класс городской вечерней школы, искал работу.

Дома Андрей тоже падал духом, нервничал, порой впадая в депрессию. Родители тонули во взаимных претензиях, не уделяя достаточного внимания школьной проблеме братьев. Заботу об Андрее проявляла лишь Айана, – запро-

сто разгоняла толпу преследователей, что-то строгое кричала на родном языке Махоеву, и тот отступал, так как обидеть даже словом девушку на Кавказе нельзя.

Исхитряясь, Махоев находил Андрея, когда он оставался один. Зная об этом, Айана старалась всегда присутствовать где-нибудь рядом, – идти вместе в школу, не отлучаясь далеко на переменах.

Когда однажды в ноябре Айана простудилась и в школу не пошла, Махоев не преминул воспользоваться случаем, – ещё до утренней линейки избил Андрея.

Решительно требовалось что-либо предпринимать. Не имея поддержки извне, я придумал её: написал Махоеву записку, дескать, если не прекратит нападки на брата, придут люди из города, накажут его.

Этот план не сработал, Махоев снова избил Андрея. Тогда я написал ещё одну записку, где предлагал ему встречу на том же выгоне, где мои друзья разберутся с ним и его приятелями. Конечно, таких друзей у меня не было, и этот жест был просто угрожающим, вроде разинутой пасти беззубой игуаны.

Однако Махоева он впечатлил. Спустя несколько дней, поздним вечером, Махоев с компанией собрались у наших ворот: вызывая меня, свистели, гикали.

Я вышел за калитку. Сыпал первый снег, было сыро и скользко. Во тьме я различил много силуэтов яростно припрыгивающих парней.

– Что, решил меня на выгон вызвать, чтобы твои друзья убили? – размахивая кулаками, подскочил ко мне Махоев.

– Почему брата обижаешь? – в тон отвечал ему я.

– Да мы всех вас здесь уничтожим, – закричал Махоев, добавив что-то ругательное на родном языке.

От мощного удара в челюсть от кого-то слева, я влетел обратно во двор, выскользнул из растоптанной обуви и плюхнулся на спину. Падая, видел, как высоко взлетел мой левый ботинок, слышал, как за мной захлопнулась увлекаемая пружиной калитка.

Перелезть к нам во двор для продолжения дела, парни отчего-то не посмели. С трудом поднявшись, я слышал за спиной их ненавистные выкрики, свист, и босиком пошлёпал в дом.

У тепла печки я грел мокрые от снега ноги, растирал разбитую скулу. Двигать челюстью было очень больно. Рваные ботинки остались хорошим уроком: в будущем я никогда не выходил за ворота в слабой обуви.

После этого случая, отношение к нам и вовсе ухудшилось. Даже те, с кем здоровались, перекидывались парой слов, при виде нас отворачивались.

В такие дни душа истово ищет какую-нибудь отвлекающую мысль, стороннюю идею для своей опоры. Для меня подобной идеей стало поступление в ростовское художественное училище, так как способности к рисованию у меня были с детства. От живущих в Ростове-на-Дону родственников я узнал условия конкурса, порядок приёма заявок.

Требовалось предоставить четыре художественных работы: две карандашных, две выполненных маслом, акварелью, либо гуашевыми красками.

Салона художественных принадлежностей в Этоко не было. Магазин здесь и вовсе один, – ряды трёхлитровых банок с яблочным соком, томатом, да раз в пару дней завозят хлеб.

С этой целью я поехал в Пятигорск, и приобрёл набор красок, кисти. Возвращаясь домой, с творческим предвкушением шёл по нашей улице. У двора Хошпаковых столпотворение молодёжи. Семья их тоже многодетна, и близнецы самые младшие. Завидев меня, все ринулись толпой:

– Что делаешь здесь? – спросил один из старших. – Зачем ходишь по нашей улице?

– Домой иду. Как же иначе от остановки идти? Другой

дороги тут нет...

– Не ходи больше здесь! – крикнул один из них, и, подпрыгнув, ногой ударил меня в грудь. Падая, я получил ещё удар в ухо от другого парня и выронил краски. Коробка развалилась, и часть разноцветных баночек гуаши разлетелись по снегу дороги.

Понимая, что противостояние бессмысленно, их много, я молча поднялся и, подобрав коробку с оставшимися красками, пошел домой. Прижимая ладонью «горящее» ухо, чувствовал, как по пальцам текла кровь. Навстречу мне из калитки вышел Андрей:

– Что с ухом?

– Да вот, старшие Хошпаковы...

У задних ворот своего дома Айана с Асланом вилами считали навоз. Мы с братом подошли. Отставив вилы, Айана осмотрела моё ухо и вздохнула:

– Не выжить вам здесь...

– Жалеть будешь? – усмехнулся брат.

– Буду, – потупившись, серьёзно отвечала Айана, и, подхватив вилы, стала нервно сгребать навоз в кучу. Малый Аслан недоумённо уставился на сестру.

В наборе красок из двенадцати цветов не хватало двух рядов светлых тонов, – белого, желтого, салатового оранжевого... Из оставшихся синего, бордового, черного да коричневого рисовать не хотелось, – мрачного было довольно и без картин.

Вспомнив про обещание отца работать в совхозе, как-то в ноябре председатель наведлся к нам.

– Дом ты построил, – сказал он отцу, – теперь пора участвовать в общественной жизни.

– Работы не закончены, – возразил отец. – Мы кое-как отделали лишь две комнаты...

– Дым из трубы идёт, значит жить можно, – засмеялся председатель. – Будете с детьми ящики сбивать для совхозных нужд. Иначе выпишем вас отсюда на все четыре стороны.

– Дети в школе учатся...

– Дети твои непролазные двоечники, от них больше толку будет в этой работе.

– Двоечники потому, что почти все предметы учителя ведут на кабардинском, дети языка не понимают, – вздохнул отец.

– А ты хотел, чтобы из-за твоих детей страдали остальные? У нас большинство детей из русского знают не более ста слов. А твои, если хотят хорошо учиться, пусть учат язык.

Спустя пару дней трактор выгрузил у нашего забора огромную кучу деревянных планок штакетника, несколько коробок гвоздей, и один готовый ящик – образец.

Плата за изготовление ящиков была очень мала, если

не ошибаюсь, пятнадцать копеек за штуку, и местные брезговали этой низкооплачиваемой работой. В полный рабочий день один из нас мог сбить не более семи. Поработав несколько дней, я убедился в бесперспективности этого занятия, твёрдо решив отсюда уезжать. Всё здесь стремительно теряло смысл.

Запрет Хошпаковых пользоваться общей улицей подстегнул это решение, добавив ему нужной динамики. До автобусной остановки и обратно теперь я ходил украдкой, оглядываясь на ворота и калитки из которых в любую минуту могли выскользнуть неприятности. Завидев же людские скопления издали, обходил их задами огородов, – по пустырям, оврагам.

Спустя несколько недель после крушения моего художественного замысла, я как-то в сумерках возвращался по улице из города. С мыслью «пронесло» проскочил Хошпаковские ворота и почти приблизился к своему дому, когда меня окликнули:

– Борисов? Иди-ка сюда!

С ёкнувшим сердцем я подошёл к лавочке и узнал братьев Шаваевых: все много старше, рослые, сильные. От Адама слышал, что средний из них, Хасан, мастер спорта по вольной борьбе, участвовал в соревнованиях союзного уровня, но из-за увечья левой руки, вынужден был оставить большой спорт.

– Садись, – хлопнул ладонью по лавочке младший из бра-

тьев. — Как дела?

— Хорошо, — отвечал я, думая иначе.

— Слышал, обижают здесь вас?

— Да нормально всё...

— Ну, нормально-ненормально, это как сказать, — усмехнулся он. — Дело же тут вот какое: к нашей матери с просьбой за вас приходила одна девушка, не буду называть её имя... А девушки на Кавказе очень гордые, и если уж просит, — мужчина не смеет отказать... Так что живите теперь спокойно, больше вас никто не тронет. Здесь знают все, что если понадобится, Хасан и одной рукой положит правую сторону улицы, мы с Шамилем левую.

Я догадывался, кто эта девушка. И хотя мне это было уже не столь важно, (карман грел билет на завтрашний поезд в Ростов-на-Дону), за братьев было приятно.

...Спустя полгода я снова ненадолго приехал в Этоко. Был май, праздник, и после шума большого города удивляли покой и тишина сельской улицы.

Родные встречали у ворот: тепло и радостно целовала мать, крепко обнимали отец и братья.

У забора, среди молодой травы бугрились остатки гниющего штакетника для ящиков, во дворе изломанные россыпи.

– Что, ящики так недоделали? – спросил я отца.

– Такую большую кучу нам и вовсе бы не переработать, – усмехнулся он, – да соседи выручали: всё таскали для розжига своих печек.

– Пойдём в дом, – заговорщицки улыбался Ваня. – Покажем тебе кое-что...

– Да-да, – тепло улыбнулся отец, – пойдём, посмотришь свою комнату.

В доме я изумился сделанным работам, – в комнатах батареи, паркет, все стены оштукатурены.

Родные торжественно ввели меня в одну из спален: крашенные в персиковый цвет стены, заботливо заправленная новая кровать, тумбочка, стопка книг.

– Это твоя комната, старшего сына,... – трогательно сказал отец, и мне захотелось плакать. Я знал, что «моего» ни-

чего нет не только в этой комнате, но и регионе. Относительно «своими», причём с большой натяжкой, можно бы назвать лишь продавленную кровать в ростовском общежитии, да свёрнутую на балконе раскладушку в маленькой квартире бабушки.

– Пойдём, ещё тебе кое-что покажем, – позвал отец, и мы пошли в ванную комнату: новенький титан, ванна, плитка пола.

– Всего охапка дров, и горячей воды хватит на всю семью...

– Штакетник от ящиков?

– Ага, – усмехнулся отец, и на лицо его набежала тень.

Я заметил, что с мамой они уже почти не разговаривают, общаясь через детей.

В демонстрации домашних достижений мама участия почти не принимала: накрывала стол, разогревала приготовленные к моему приезду вкусности. За обедом, когда отец куда-то отлучился, она со слезами в голосе сказала мне:

– Всё. Я больше не могу жить с вашим отцом! Его раздражение от неудачи поселения здесь невыносимо. Только теперь он, наконец, осознал, что жить в этом доме никто из нас не будет. Неприятие тут просто биологическое, и с этим ничего не поделать. А сколько работы сделано, сколько труда! У меня же больше не осталось духовных сил, чтобы терпеть его постоянную нервозность, истеричные крики...

Оставшись со мной наедине, Андрей рассказал, что после

моего отъезда со стороны местных произошла странная перемена: его и младших больше никто не обижал. Заговорили о братьях Шаваевых.

– Да, их забота... – согласился брат. – Эти Шаваевы видимо и впрямь сделаны из железа. Их слово в селе – закон. Хотя, слышал я, что скоро уезжают они отсюда...

Порывшись в шкафу, Андрей достал измятый конверт и передал мне:

– Вот, письмо для тебя. В начале весны нашёл у ворот, когда снег стоял.

Я разорвал размытый снегом конверт,... письмо было любовное.

...Подлинного текста письма, конечно, не сохранилось, а придумывать что-либо здесь станет сомнительным ходом в игре с собственной памятью. Отмечу лишь, что написано было аккуратным округлым почерком, чисто и грамотно. Писавшая его девушка не представилась, и я мог лишь догадываться, от кого оно. При строчке «...когда ты рыл какую-то яму...» вспомнились чудные ямочки на щеках Заремы, и на душе стало отчего-то грустно, тоскливо. Заканчивалось письмо приглашением для встречи в полночь на выгоне за дворами...

– На «выгон» опять приглашали... – сказал я брату.

– Не верю я им, подстава, – отвечал Андрей. – Кто-нибудь из наших недругов поручил сестре написать это письмо.

– Что-то ты совсем скис, никому не веришь.

– Да, – проговорил Андрей. – Не верю я здесь уже никому. Сгорела вера...

– А Айана, как же?

– Айана, славная девушка... много хороших слов знает.

– Что, и ей не веришь? – спросил я его.

– Верю, не верю ей... не столь это важно. Я больше верю её брату Тимуру. Как-то ещё осенью он перехватил меня на улице и предупредил: если у меня случится что-нибудь такое с Айаной, – голову отрубят!

В те дни мы с братом часто уходили далеко в лес, гуляли вдоль дивной глади горного озера. Вдохновенно строили жизненные планы, где здешним холмистым ландшафтам места уже не было. Я рассказывал брату о своей городской жизни, – радостях, переживаниях, что, будучи неприемлемыми здесь мы и для города диковаты, провинциальны.

Вскоре после этого, нашу семью постигла удача, истинный масштаб которой мы смогли оценить спустя время. В поселковой администрации явилось для отца предложение, от которого отказаться было невозможно, да и бессмысленно. Полагаясь на рассудительность, ему настойчиво порекомендовали продать дом местным жителям, переселяемым с участка предполагаемого строительства клуба. Деньги были бюджетные, стоимость назначили покупатели, и она, конечно, недотягивала до общих расходов нашей стройки. Но и это было чудом, ибо никому в селе и в голову не пришло бы покупать что-либо у отца, отдавая собственные средства.

Продав дом, отец и мать разъезжались уже в разные города. Чтобы помочь с переездом, я снова приехал в Этоко. Заказав железнодорожный контейнер, мы солнечным летним утром грузили вещи матери. Отец заботливо участвовал в деле: укладывал хозяйственную утварь, паковал, чтобы в пути ничего не разбилось. Вид его был грустен, а будущее туманно, – все мы дети уезжали с матерью. Передав ей вырученные от продажи деньги, отец намеревался в Пятигорске начинать новую жизнь, – трудоустроится на работу, получить комнату в общежитии.

...Спустя несколько лет сотни и тысячи подобных нам

семей уезжали из этих мест без оглядки. Продавали дома по цене приличного пиджака или велосипеда, не то, вовсе оставляя нажитое, бежали, прихватив лишь носильные вещи. «Удачей» была спасённая жизнь.

Поселение в Этоко отец впоследствии считал своей «непростительной» глупостью, затмением разума. Невзирая на обилие солнечных дней того года, в памяти они и впрямь сплошь тёмные. И может быть поэтому, никто из нас не проявил желание вновь побывать в Этоко, хотя бы бегло взглянуть, что теперь там и как.

Художником я не стал. Зато год учёбы в той школе оставил в памяти Вани много слов из кабардинского языка, и отчасти он понимает их речь.

В городской школе проверив знания Алёши за пройденный курс первоклассника, его снова отправили в первый класс. И на его судьбе это сказалось удачно – в будущем Алёша окончил государственный университет.

Восьмой класс в той школе для Андрея оказался последним в его общем образовании. В другое учебное заведение он в дальнейшем не поступил. А много лет спустя, когда в личной жизни брата всё было изъезжено вдоль и поперёк, – разводы, суды, алименты, – он вспомнил как-то Айану:

– Искренне и чисто она относилась ко мне, – сказал он. – Истинно любила...

Жена

повесть

1

Эту историю мне рассказал давний знакомый Лев Кириллов на сентябрьском пляже Черноморского побережья, неподалёку от Геленджика. Лет пять назад мы работали в одном подразделении крупного треста и в тот период у нас были доверительные, можно сказать приятельские отношения. Когда я перешёл на другую работу, наше общение прекратилось, а Лев остался в памяти волевым и успешным руководителем, твёрдо ступающим вверх по ступеням карьерной лестницы.

На курорте мы встретились случайно, и теперь я увидел его заметно поседевшим, постаревшим. Вспоминая былое, мы, как и прежде много говорили, смеялись, однако в его глазах то и дело мелькали беспокойство, неуверенность в себе, какая-то странная подавленность.

Часто он неожиданно обрывал нашу беседу и, замерев на полуслове, подолгу вглядывался в морскую даль. Было заметно, что недавние годы были для него не столь удачливы, чем уже отдалившийся период нашей совместной работы.

Отдыхал Лев с женой, высокой и статной дамой Еленой,

лет около сорока. Пока мы общались, Елена дремала на шезлонге в трех-четырех метрах от нас, изредка поднимая голову и пропуская между пальцев пряди темных волос, щурилась лучам осеннего солнца. Иногда она вставала с шезлонга, величаво шла к морю и подолгу там плавала, по-собачьи подгребая под себя невысокую волну. Выходя из воды, она ладонями выжимала из волос влагу и окинув нас взглядом темных карих глаз, в котором секундная осторожность сменялась едва заметной улыбкой, шла к своему шезлонгу. Это была красивая женщина.

Лев был заботлив к ней, трогательно ухаживал, точно влюбленный юноша прислушивался к каждому её возгласу и часто покупал ей разные пляжные штучки. Было странно глядеть на его подбеленную сединой голову, то и дело живо оглядывающуюся на разносчиков фисташек, чуч-хелы, мороженого. Особенно же, когда Лев рассказал, что живут они вместе без малого двадцать четыре года и в будущем году у них «серебряная свадьба», юбилей.

Однажды вечером я видел их в кафе «Приморском»: столик на двоих, бутылка «Таманского белого», фрукты. На Елене было вечернее желтое платье с овальным вырезом на груди, приталенное, чуть выше колена, хорошо играющее шелковистыми тонами на её загорелом теле. В нем она казалась особенно выразительна в своей зрелой прелести.

– Я видел вас вчера в нашем кафе, жена у тебя красавица, – заметил я Льву на другой день. Здесь, на курорте, я ви-

дел её впервые.

– Спасибо, – скупой улыбнулся Лев и почему-то вздохнул.

Из рассказов Льва я узнал, что трест переживает далеко не лучшие времена. Что из-за недостаточного финансирования южные филиалы давно расформированы, и последние годы он вынужден был работать по командировкам в западном, центральном, а потом и восточном округах.

Не всё в порядке было и в центральном округе, где до недавнего времени работал Лев: неисполнение долговых обязательств, коммерческие риски, нужда. И конечно, это не могло не сказаться на его семейной жизни с Еленой.

Лев и раньше слыл знатным рассказчиком. На совещаниях излагал суть дела всегда грамотно, толково. А уж на отвлечённые темы, мог вовсе говорить часами. Я не помню, чтобы кто-нибудь скучал, слушая его. И теперь, история серьёзно повлиявших на семейные отношения его деловых неудач, о которых он с волнением рассказывал всё подробнее, день ото дня занимала меня.

Приходили они на пляж обычно рано. Уже около девяти утра я заставлял их на пустынном берегу: Лев плескался вдали водной глади, а Елена, стоя у самой едва волнующейся кромки прибоя, говорила по телефону.

– Утреннее совещание с детьми, – растирая полотенцем мокрое тело, улыбался мне Лев, как бы извиняясь за столь долгий разговор жены, – вначале напутствие старшей дочери – студентке, потом младшей, она у нас ещё школьница,

осталась дома с бабушкой.

Выпив кофе и искупавшись, мы располагались загорать на шезлонгах, а Лев продолжал рассказывать о своих командировках, работе в московском подразделении треста.

...Мимо заборов больших строек, высоких кранов, я уже давно прохожу с волнением, – говорил он. – И дело тут не в боязни высоты. Правовая незащищённость, – вот главная причина тревоги строителей. Получив зарплату сегодня, никто и минуты не может быть уверенным, что получит её в следующий раз. К тому же который год дело у нас поставлено так, что никто не знает истинной стоимости того или иного вида работ. Расчёты здесь большей частью договорные, и обязательства по оплате весьма условные. Особенно если дело касается государственных заказов.

После твоего ухода меня перевели на строительство Инновационного центра в Воронеже. Проектная стоимость шестнадцатиэтажного комплекса – три миллиарда. При согласовании в правительстве области бюджет проекта урезали до полутора миллиардов, что уменьшило высоту зданий до восьми этажей. Тендер же на его строительство наш трест выиграл с потерей ещё двадцати процентов от полутора миллиардов. Построили же мы этот комплекс на год позднее заявленного срока и более чем за два миллиарда! Дело то было политическое, увеличивать бюджет никто не стал, и мы заканчивали объект из ресурсов других округов да кредитов.

В итоге – сверкающий зеркальным стеклом, кое-как построенный комплекс, тысячи недополучивших зарплату рабочих, несколько разогнанных полицией их забастовок с перекрытием улиц.

А как это складывается на личной жизни строителей, жизни их жён и детей, кому есть дело? Однако именно здесь я пережил нечто, решительно переменившее мои взгляды не только на целесообразность своих командировок, но и жизнь в целом... – вздохнул Лев и потянулся к карману пляжной рубашки за сигаретами.

2

...Недолго побыв дома после Воронежской командировки, я снова уехал в Москву строить медицинский Центр в районе «трёх вокзалов», – пустив струю дыма, продолжал Лев. – Как представителю среднего инженерного звена мне полагалось отдельная комната. И большую часть прошлого года жил в гостинице в подмосковном Пушкино, – с ярославского направления удобнее добираться до места работы. Рабочий же персонал обитал прямо на стройке. В московском округе в основном работают мигранты из ближнего зарубежья. Им и за пределами стройки появляться нельзя – нелегалы. Живут обычно в подвалах, многоярусных вагон-бытовках, быт скотский, так что бастовать некому.

К Новому году основные работы Центра требовалось за-

вершить, и на стройке кипела сумбурная жизнь. В зданиях заканчивались отделочные работы; разметая снег, размечали клумбы, укладывали асфальт тротуаров.

К тому времени у нас по зарплате имелись большие долги и все жили надеждой о выплатах к Новому году. За годы работы в тресте лучше других, зная здешний стиль и порядок оплаты, я сомневался в этом. И оттого, что непосредственно моим подчинённым накопилась уже приличная задолженность, раздражался и переживал.

Вечерами я звонил Елене, нервно рассказывал о своих делах. Моё раздражение подавляло её. Не замечая этого, я словно зараженный каким-то лихорадочным вирусом, много и даже с неким удовольствием говорил ей об этом, смакуя свои неудачи.

На 29 декабря было назначено последнее в году совещание, где, по мнению подрядчиков должно решиться большинство скопившихся финансовых проблем. Однако вести протокол приехал лишь зам генерального по техническим вопросам Кирилл Арбузов, что удесятерило мои нехорошие предчувствия.

Если ты помнишь, Арбузов никогда не имел отношения к властным рычагам треста. Обычно его присылают, когда нужно сгладить, а проще говоря «размазать» какой-нибудь остро выпирающий вопрос. В беседе он человек интересный, отзывчивый на разную порожнюю болтовню. В свободную

минуту с ним можно посетовать на неудачи отечественного футбола, обсудить городские пробки или ненужность столь плотной застройки Москвы. Но в данном случае, когда обстановка была накалена куда более насущными проблемами, каждое его пустое по сути слово болезненным эхом отдавалось в сознании каждого из присутствующих.

Того же, чьи уже только косые взгляды решают судьбы целых предприятий, Аларова, всё не было. А зря, я ведь тоже готовился к докладу, придумывал речь.

В этой моей речи торжествовал бы закон, праздновала свой день рождения справедливость. Глядя Аларову в переносицу, я бы говорил о масштабе выполненных здесь работ, напомнил, что аванс нашему филиалу был выплачен всего раз и эта сумма просто ничтожна в сравнении со сделанными объёмами. Ещё бы я сказал ему уже как мужчина мужчине о чести, поведал о чудовищной нужде наших рабочих, чьей-нибудь больной матери или рожающей жене. Наконец, я бы напомнил ему... что оттуда, (я бы качнул головой вверх) всё видно, и Там всё известно. И уже завтра... оплачен был бы университет моей дочери, погашен кредит, и стало бы абсолютно ясно, в каком платье Елене встречать Новый год, (том самом, ещё в октябре, мерянном в бутике «Университи»).

Отсутствие Аларова настраивало на грустный лад. В слова Арбузова, что «завтра всем вам деньги упадут на счета», верилось слабо. Эту таявшую час от часа надежду я видел в большинстве глаз.

Совещание затягивалось. Заметив на столе приготовленные мною бумаги, Арбузов рассеяно полистал их, пытаясь сохранять деловое настроение:

– Вот, вы тут пишете, что в осях 16—18, вами были перенесены сети... Давайте после совещания, на обходе, мы поточнее перемеряем ваше перенесение. Кто у нас сегодня от проектного института? Вы не торопитесь?

– Торопимся, – голос откуда-то слева.

«Какой обход... я ведь надеялся сегодня вечером в аэропорту быть, хоть ночным рейсом улететь, ведь завтра уже 30-е декабря!» – кипело моё негодование.

Растерянной гурьбой мы шли сквозь толпы снующих без дела рабочих. В глазах всех тающая в безнадёге надежда на получение зарплаты, у вагон-бытовок стопки дорожных сумок.

«С Новым годом!» – важно кивая, приветствовал всех Арбузов.

«С Новым годом, товарищ начальник! – неслось отовсюду раболепное. – Когда же зарплата? Поезда, сегодня ведь уходят!»

«Кассир приедет к вечеру. Кто уезжает раньше, оставляйте прорабам информацию о себе, бухгалтер переведёт...» – невозмутимо отвечал всем Арбузов. Нервы у него стальные.

– Врёт! Не будет сегодня денег, – заговорщицки усмехнулся мне менеджер компании по наладке медтехники Алексей. Мы приятельствовались.

– Почему же?

– Взгляни туда, – кивнул он в окно в сторону въездных ворот. – Когда у рабочих предстоит зарплата, снаружи всегда дежурит УАЗ с нарядом полицейских. Нелегалы – их лёгкая добыча, и кто-то из здешних сдаёт. А сегодня там никого нет...

3

В гостиницу я пришел около четырёх.

– Доплачивать за номер будем? – передавая ключи, деловито осведомилась у меня дежурная на ресепшине. – У вас закончился оплаченный срок пребывания.

– Знаю, сейчас соберу вещи и уеду.

– Наш расчётный час – полдень. Придётся доплачивать, – нехорошо кивнула дежурная в сторону висевших над её головой часов. Всегда раздражала меня эта женщина.

– Я живу у вас более полугода. Заплатил вам в общей сложности сотни полторы тысяч... что, из-за этих трёх или четырех часов мне нужно было с дорожной сумкой плестись на совещание? Я же говорил вашей сменщице: в номере убирайтесь, сумку заберу после обеда.

– Нам нет дела до ваших совещаний, и сменщица мне ничего не передавала. У нас порядок, – с нарастающим от раздражения отвратительным московским акцентом, твердила эта белесая стерва.

– Порядок? У вас? – вскипала моя голова. – Идёмте в мой номер, я покажу вам, кое-что из вашего порядка: посмотрим на потёки с потолка, испорченные вещи. Может быть, мне обратиться в комитет по защите прав потребителей?

– Слесаря нужно было вызывать, – поостыла дежурная. Подобные угрозы порой и впрямь действенны в третьесортных гостиницах.

Пока она отвлеклась на телефонный звонок, я проскочил в свой номер. Не раздеваясь, раскрыл ноутбук и в очередной раз попытался забронировать авиабилет. Бесплезно. Большинство сайтов были если и не заблокированы, то в заказе билетов программы тут же висли, и оформлять возможности не было.

Захлопнув ноутбук, я пересчитал наличность, – что-то около двух тысяч. На банковской карте оставалось чуть более пяти. Сообразив, что в предпраздничные дни стоимость возрастает порой в несколько раз и Шереметьево отпадает, я засунул ноутбук в сумку и вышел из номера. Ехать придется поездом.

Дождавшись из-за двери коридора пока дежурная отвлеклась на разговор с другим постояльцем, я быстро прошел вестибюль и навсегда покинул эту гостиницу.

На Казанском вокзале творилось бог знает что. Казалось, пол-Москвы слилось в едином порыве: куда-нибудь ехать. Электронный билет приобрести было невозможно. Выстояв у кассы более двух часов, я услышал тот же ответ, что и всем:

«билетов нет, ожидайте снятия брони или чьего-нибудь возврата».

Спустя час или полтора раздражённого ожидания, мне всё-таки повезло: за пару часов до отправления объявились несколько мест нашего направления: поезд фирменный, вагон купейный. Денег хватило впритык.

Купив билет, я с облегчением вышел перекурить на площадь вокзалов. По брусчатке разметало снег. Подтаявшая проезжая часть шумела слякотью под автомобильными шинами. На дальней стороне, у Ленинградского вокзала, высилась новогодняя ель – изящная, стильная, переливающиеся на ней гирлянды напоминали свадебное платье богатой невесты.

Впервые за день, позвонив жене, я доложил обстановку: Аларова на совещании не было, зарплате, соответственно, в ближайшие недели не бывать, (каникулы), билет купил на последние деньги, в кармане осталась лишь пара сотен.

– Ничего, – попыталась успокоить меня Елена. – Я получила аванс, у меня есть шесть тысяч, так что Новый год праздновать будет на что.

Но куда там! Влив в свои слова всё скопившееся раздражение, я прокричал ей в трубку:

– Что нам эти шесть тысяч! Даже недавним подрядчикам, которые работали в декабре, я должен почти семьсот. На прошедшей неделе здесь у знакомого на мелкие деловые нужды занимал двадцать. Обещал до Нового года вернуть...

– Успокойся, – севшим голосом пробормотала Елена, – может быть тебе выслать тысячу рублей? Через час-два они будут на твоей карте, поешь, купишь чего-нибудь себе в дорогу?

– Не нужно. Скоро отправление. Виноват сам, что до сих пор не уволился из этого треста. Прибытие поезда 31, в 11 —30 утра.

– Тогда до встречи, – мягко, но подавленно пробормотала Елена. – Кофе где-нибудь выпей, это тебя всегда успокаивает.

– До встречи, – я отключил связь и тут же вспомнил, что хотел ей сказать что-нибудь ободряющее, тёплое. Ладно, дома скажу...

4

– Я давно не ездил поездом, – на другое утро продолжил Лев, едва мы искупались. – Солнечный рассвет, южные степи, проносящиеся за окном станичные станции, – успокаивали, умиротворяли. Однако смог столичных проблем оставался висеть плотной тучей где-то над самой головой.

Мы пили чай с соседкой напротив, слегка взбалмошной дамой несколькими годами младше меня. Она рассказывала, что новогодние каникулы едет провести на курорте, – поправить здоровье, полечить нервы. Рассказывала, что жили с семьёй на севере, в Ханты-Мансийске, что в позапрошлом

году неожиданно умер муж. Говорила, что квартиру на севере продала, купила другую в Москве – двухкомнатную, в хорошем районе. Устроилась на высокооплачиваемую работу неподалёку от дома, сын на третьем курсе военного училища, а дочь поступила во 2-й медицинский.

В её словах просматривалось невольное желание убедить и меня, случайного попутчика, что, невзирая на смерть мужа, в её семье всё идёт хорошо, правильно, даже чуточку лучше, чем с ним, вечно занятым высоким начальником в Ханты-Мансийске.

Я, естественно, жаловался. На зигзаги судьбы, финансовые трудности, свои тактические ошибки и прочее.

– Не переживайте, – успокаивала меня она, – такое со многими случается. Всё у вас наладится и будет хорошо.

На второй день пути я на станциях пил кофе, жмурился яркому солнцу и старался больше вдохнуть чистого и свежего воздуха. Земля, солнце и воздух почему-то всё больше напоминали мне о жене, детях. Их, как казалось мне, скучноватой провинциальной жизни, этим звенящим пустотой вечно солнечным южным дням, долгим закатам, и мне было грустно. Я догадывался, что мой внутренний багаж, равно как и багаж в моей дорожной сумке определённо их не развеселит.

Дома меня встречали тепло. Елена расцеловала, дети наперебой обнимали. Елена приготовила на обед разные мои любимые вкусности, и пока я нехотя ел, (отвык от домашней

еды), рассказывала, что, этот последний день года у неё рабочий, но из-за приезда мужа отпросилась. Что к новогоднему столу всё закуплено, хотя и на этот раз он будет скудноват.

— Как год работали, такой будет и стол, что же тут поделаешь... — горько сказал я. Других слов как-то не нашлось. Сказать все теплые слова, которые за минувшие месяцы столько раз всплывали в голове, — и вовсе забыл.

Во второй половине дня я не раз набирал номера телефонов дочерних офисов нашего треста, вызывал, пришли ли кому-нибудь на счета деньги. Выяснилось, что вчера, 30 декабря, многие компании расчет всё-таки получили. Это было раздражительно.

...А вечером мы праздновали Новый год... — характерно помолчав, продолжал Лев и опять надолго смолк. — Без друзей, без гостей, скромные праздничные закуски, телевизор... Елена к празднику надела видимо недавно купленные неброскую кофточку и темную юбку. Этот дешёвый и вовсе не праздничный набор одежды я видел на ней впервые, похоже, куплен был без постороннего глаза, самостоятельно, — блузка, и особенно юбка заметно её старили, принижали своей безвкусицей.

Умолк мой телефон — короткие поздравления близких родственников ещё ранним вечером, два-три случайных смс. Жене же то и дело сыпались звонки, послания веселеньких стихотворений, бодрящие напутствия, и всем она отвечала.

Я замечал, что встречаясь со мной взглядом, Елена темнела лицом, а при вспыхивающем очередном сообщении её лицо оживало, веселело. И ко всем моим прочим раздражителям стала примешиваться ещё и ревность, — дескать, а здесь и не скучно вовсе, жизнь течет и без меня.

Ближе к полуночи мы всей семьёй фотографировались... После я не раз открывал папку с этими фотографиями: смущение, стеснённость дочерей, точно не знающих куда садиться, с какого блюда начинать, и нерешительность, угнетенность Елены. Её плечи были как-то очень уж покаты, будто оплывшие, а обычной её стати, будто не бывало.

Также мы сфотографировались вдвоём с Еленой: припухшее с дороги моё недовольное лицо, фальшивая полуулыбка, и тёмная тревога в её не очень уж тщательно покрашенных глазах и не идущей ей цветом помады поджатых губах.

5

Первые несколько дней нового года прошли в том же состоянии духа: раздражение из-за финансовой беспомощности, подавленность, и, словно приступивший к работе где-то в саду за нашими окнами бульдозер, глухо заурчавшая ревность.

2-го января позвонил Алексей из Медтехники:

– Летим с женой в Мюнхен, — радостно затараторил он. — Таможенную регистрацию прошли, через полтора часа вы-

лет. Едем в Альпы, на лыжах кататься.

– Деньги вам перечислили?

– Да, конечно же, как обещали, 30 декабря.

– Рад за вас, – с трудом выдавил я из себя.

– А как твои дела? Вам-то заплатили? Какого числа в Москву прилетаешь?

– Из треста деньги на наш счет вроде бы не поступали. Хотя и не знаю. У нас ведь тоже могут врать. Из моего начальства никто на звонки уже дней пять, как не отвечает. Зато исполнители работ звонили и позавчера, и вчера, первого января: угрожающие новогодние поздравления. Так что совершенно не знаю, как быть: куда идти, куда лететь...

– Да, филиал ваш таков, куда ни кинь, всем должен... – беспечно засмеялся Алексей. – Ты уж особенно не бери в голову, отдыхай, каникулы ведь. Всё образуется, всё поправится.

«Поправится, образуется, кинь... Кого, собственно, кинь? Меня и моих подчиненных, с октября месяца работавших на этой больнице с восьми до восьми, включая порой и воскресенья?» – только за последний час, эта моя сигарета была пятой.

Слышавшая разговор Елена, заметила мне с грустью:

– Может быть, хватит депрессии? Сегодня вечером наши друзья Стас и Инна пригласили в свою баню. Пойдем?

– Нет. В гости нужно идти с хорошим настроением, подарками. А взять то и другое попросту негде. Сколько у тебя

денег осталось?

– Две-три тысячи.

– Купим гостинцы, а завтра голодать?

На другой день, на отдых в один из наших санаториев приехали из Ростова-на-Дону мой приятель юности Сергей с женой и дочерью. Мы гуляли в парке, вспоминали молодость, смеялись. Сергей был в приподнятом настроении: вполуха слушая мои сетования на финансовые неудачи, он больше говорил о себе, недавно зарегистрированном собственном предприятии, материальном успехе: дела их явно пошли в гору. То и дело балуя покупками жену и приемную дочь, он назидательным тоном прибавлял мне:

– «Нужно бояться не больших расходов, а малых доходов». Знаешь, кто так сказал?

Вечером следующего дня они пригласили нас с Еленой в ресторан. Громкая музыка, недоеденный антрекот, тот же самый скромный новогодний наряд Елены и безвозвратно успокоившиеся в красивой папке официанта две из трёх остававшихся наших тысяч.

Неловкость за неравнозначную оплату ресторанных расходов побудили меня спустя несколько дней пригласить Сергея с семьёй к нам домой. На занятые деньги мы накрыли стол, а гости привезли с собой литровую бутылку водки и шампанское. Но перед самым началом застолья мне из Москвы вдруг позвонил директор нашего филиала, сказал, что сейчас по своим делам вылетает в Минеральные Во-

ды, и попросил вечером встретить его в аэропорту. Так что я не пил.

Сергей же, выпив несколько рюмок, много говорил: о необходимости ремонта в нашем доме, замены мебели, про рыбалку на Дону (терпеть не могу любую рыбалку), то и дело, подливая водку Елене. Жена его пила шампанское.

Напиваясь, Сергей говорил всё больше: ремонт, Дон, рыбалка. И когда подошло время ехать в аэропорт, я рад был их оставить.

При встрече директор рассказал, что привез с собой двести тысяч. Я отвез его в гостиницу, и в тот же вечер большую часть из них мы выдали подрядчикам, из тех, кто жил в нашем городе. Десять тысяч он отдал мне в виде аванса по зарплате. Живём!

Вернувшись домой ближе к полуночи, я в нашей прихожей застал до сих пор не уехавших восвояси гостей: грузного Сергея, неловко ловившего ступнями ставшие очень непослушными ботинки и продолжавшего бубнить что-то про раннюю рыбалку, его жену (тоже про рыбалку), и от желания спать растиравшую глаза их дочь. Наши дети уже спали.

Лицо Елены было очень бледно, раздражено и как-то потерянно. Не дожидаясь ухода с трудом выдвигающихся за дверные пределы гостей, она стала убирать стол, а я скорее всего отвёз их в санаторий.

Ночью Елене было плохо: Сергей настойчив в своих требованиях. И пока жена его пила шампанское, они выпили этот

литр водки с Еленой на двоих, пополам. Ворочаясь в постели, я с ненавистью вспоминал ту минуту, когда на экране моего телефона вспыхнуло имя «Сергей. Колледж».

6

Из слов директора я, во-первых, узнал, что деньги нашему филиалу Аларов не перечислил. Во-вторых, что 30 декабря всё-таки перечислил, но основную сумму пришлось перевести на счета подрядчиков по долгам воронежского участка, а если быть точнее, деньги переведены банком по решению суда, так как счёт наш арестован. Также я от него слышал, (уже в-третьих) что «Аларов и суд тут ни при чем, просто в бухгалтерии по ошибке перечислили на счета других сотрудников». При этом он не глядя в глаза, добавлял, что оставшиеся из причитавшихся нам денег, мы получим непременно, в ближайшие недели, и что было здесь правдой, не понять.

Спустя два дня я отвез его обратно в аэропорт: «бегающий» взгляд, пустые обещания.

С началом рабочей недели, созвонившись с коллегами, я стал гораздо ближе к той самой правде: за мои работы в медицинском центре деньги были перечислены-таки, хотя и в неполном объёме. Но так как других поступлений в филиал к Новогодним дням не было, большую часть суммы «раскидали» среди сотрудников головного офиса: директо-

ру, главному инженеру, главной бухгалтерше, её сыну, мастеру на одном из участков... А что осталось, директор привез нам.

Так что ехать обратно в Москву было не только не на что, но и незачем.

По окончании каникул Елена вышла на работу, а я остался дома. Вечерами она приходила хмурая, обдавая меня новым запахом хороших духов, (подарок от коллектива), наспех целовала и быстро шла куда-нибудь – на кухню, в зал, в спальню, лишь бы не задерживаться возле меня и моей поднадоевшей истории столичного «кидалова».

В конце января она уже просила не упоминать при ней даже имен Аларова, и других, связанных с моей московской командировкой.

Наше безденежье сильно подавляло, раздражало её. В минуты, когда лицо её светлело, она оглядывала наши комнаты, мебель, и жестами дорожного регулировщика взмахивала руками, как бы направляя в сторону входной двери этот успевший стать раритетным транспортный поток: вереницу из всевозможных тумбочек, кухонной мебели, шкафа (заодно с телевизором), стульями и кроватями:

– И прав был твой друг Сергей, – говорила она. – Всё это нужно выбросить, сжечь, и купить новое. Мебель – хотя бы из Икеа, кухню новую заказать, ... телевизор купить плазменный, вогнутый...

– Вогнутые телевизоры стоят от ста пятидесяти тысяч, –

усмехнулся я, и в зеркале прихожей увидел свою кривую улыбку.

Заметив, что по ночам я стал храпеть громче обычного, а порой во сне и разговаривать, она перешла от меня спать в другую комнату.

Оставаться в бездействии и деловой неопределённости было невыносимо. Изучив странички сайтов с подходящими вакансиями в нашем городе, я всюду разослал своё резюме. Бесплезно. Даже на должности с ничтожной зарплатой в 13—15 тысяч приглашений не было.

На это обстоятельство я нередко жаловался Елене, детям, — осложняя обычные житейские процессы превращениями зигзагов судьбы. И первоначальное сочувствие их ко мне, и любовь, плавно сменялись неприязнью. Елена предлагала мне заняться ремонтом дома, — покрасить ворота, освежить стены, отремонтировать разваливающийся диван или хотя бы давно протекающий кухонный кран. И хотя для этого требовались незначительные денежные суммы, я и думать не мог ни о каком ремонте. Внутренне был к этому абсолютно не готов.

В начале февраля по моей просьбе младший брат пригласил меня к себе на работу подсобником плиточника. И наспех собрав так до конца не распакованную свою дорожную сумку, я выехал к нему в Ростовскую область. Дела этого я толком не знал, всё выходило неумело, плитка ложилась неровно. К тому же крепкие морозы и снежные заносы при-

остановили работу.

Спустя три недели я вернулся, с двенадцатью тысячами заработанных денег. Приехал поздно ночью, дети спали, глаза Елены были сонные.

– Как вы тут? Как дела ваши? Соскучилась? – спросил я, обнимая жену.

– Так ведь тебя не было всего три недели, я и соскучиться-то не успела, – вяло приобняв меня, ответила Елена и зевнула...

Лев глубоко вздохнул и надолго смолк.

Этот отрезок жизненного пути своей семьи он рассказывал мне почти весь день. Несколько раз мы прогуливались вдоль берега и незаметно выпили весь кофе из термоса. Елена большую часть дня дремала, едва ли слыша нас и практически не обращая на нас внимания.

Погода портилась. Поднялась волна, и из-за набежавших туч стемнело раньше обычного. Курортная жизнь затихла.

Ночью лил дождь.

На другое утро Лев плескался в море один. Небо было заволочено тучами, в прогнозах погоды на ближайшие дни – прерывистый дождь. И хотя вода в море оставалась теплой, волна была высока, и плавать я не решился.

– Елене нездоровится, решила в отеле поспать, – с трудом выбравшись из воды, сообщил он мне.

– Что с ней?

– Ничего особенного, просто слегка простудилась.

Чтобы разогреться, он пробежался вдоль берега: этакий чуть обросший жирком крепкий мужчина.

– Спустя ещё пару недель неопределённости я вышел, наконец, на новую работу: строить озеро, – продолжал Лев, когда мы оттащили свои шезлонги дальше от шума прибоя. – Работа была мне малознакома, тонкостей дела я не знал, однако предложение было единственным, а в общих чертах всё и так ясно: экскаваторы, бульдозеры, узбеки.

В удалённом предгорном селении знатный столичный господин приобрёл большой участок – с лесом, полями, берегом горной реки. И дело с рабочим названием «Фазенда» занялось: забор, дом господский, дом гостевой, парковочные площадки, озеро.

– Сразу прошу усвоить, здесь вам не госбюджетный хаос, здесь есть хозяин, – принимая меня на работу, твердо сказал Валентин Валентинович. – И хозяин этот я!

В обиходе подчиненные звали его «Шефом», что вполне соответствовало статусу этого невысокого, но крепкого волей и духом человека.

Зарплату он назначил мне в двадцать пять тысяч, что было достаточно высоко с учетом зарплат нашей провинции,

и ничтожно мало для потребностей нашей семьи. По причине удалённости селения от нашего города, мне приходилось рано выезжать и поздно возвращаться.

Уверено шагая по тропинке среди мелколесья, и обозначая границы будущего озера, шеф через плечо бросал мне распоряжения, я едва за ним поспевал. На обратном пути слегка заблудившись, мы пошли по другой тропинке, значительно увеличивающей границы озера: указания те же.

– Назад мы идем другим путём, – осторожно заметил я шефу. – Разница, сотни тысяч кубометров грунта. Куда вывозить его?

– Каким идти путем, здесь решаю я, – обернулся ко мне шеф. – А как озеро строить, решайте вы. Кто из нас инженер?

Увлеченный делом, я почти не вникал в домашние заботы и мало внимал настроению жены. Магазинов и столовых в районе строительства не было, и обед приходилось брать из дома. По утрам Елена готовила для меня что-нибудь из второго, овощи, хлеб, складывая всё в пластиковый контейнер. По мере материального обнищания, второе скудело, – чаще это был уже лишь обыкновенный омлет и хлеб. И когда однажды омлет оказался совершенно безвкусным, а хлеб черствым, вечером я заметил Елене:

– Сегодня мой обед приготовлен был очень уж явно не любящими ручками, омлет даже не посолила.

– У тебя соль есть в машине, сам мог посолить, – не глядя на меня, холодно отвечала Елена.

– Почему ты так со мной, за что? Я работаю ведь, устаю...

– Ну да, – нервно повернулась ко мне жена, – Пожалей ещё себя, бедненький, уставший, а я такая плохая... жестокая. Маме своей пожалуйся, она тебя точно поймёт.

Помолчав с минуту, она продолжила:

– Ты думаешь всегда только о себе, несчастном. Кинули его на работе, видишь ли! Добивайся, судись! Вспоминаешь ли ты когда-нибудь обо мне, моей работе, моих делах? Интересно ли тебе, что у меня сейчас идет ревизия краевого УЭП, что изымают наши документы, на коллег возбуждают уголовные дела?..

– Так почему не рассказываешь? Почему не делишься?

– Достаточно мне и твоих равнодушно-пустых глаз, чтобы ни о чем не рассказывать. Тебе это было бы точно неинтересно, ненужно. Максимум, что можно от тебя будет услышать – «Не жульничайте, не воруйте, и никто вас никуда не посадит!».

– Я и сейчас так думаю...

– Вот и поговорили, – вздохнула Елена. – Всё привычно. А как думаешь, этот омлет мы едим, на какие деньги? Правые? Левые?

– Не знаю. Я просто ревную тебя.

– Ревность не красит мужчину. А впрочем, никакая это не ревность, а обыкновенное чувство собственника. Бытовой эгоизм.

– Этим ты меня унижаешь. Тебя уже всё раздражает,

что бы я ни говорил, что ни делал, – в сердцах крикнул я.

– Так найди себе другую женщину, которая тебя поймёт, пожалеет... – сказала Елена не слишком громко, но мне слышалось, что она кричит.

Спорить было бесполезно, Елена права. Шеф, строительство озера, занимали большую часть моих мыслей. Лишь изредка, каким-то боковым, случайным зрением я отмечал, что вечерами лицо её слишком натужно, сосредоточенно. Основную часть вечернего времени она проводила за компьютером, смотрела какие-то фильмы и в наушниках слушала музыку. Наушники были в ушах и старшей дочери, и младшей, и вообще, этих наушников стало как-то слишком много в нашем доме. Поговорить оставалось лишь только с котом, да и то не всегда – на дворе гудела весна, и у него оставалось немного времени, чтобы выслушивать мои душевные излияния.

Напряжение на работе у Елены росло, и в конце апреля она взяла двухнедельный отпуск. Впервые за полугодие она вдруг обратилась ко мне с просьбой на Первомайские праздничные дни съездить всей семьёй на море в Анапу. Я, конечно, был согласен, но будет ли этим доволен мой шеф, сомневался.

– Если не поедешь, – неожиданно резко оборвала меня она, – мы поедём сами, автобусом. Я получила отпускные, так что деньги у меня есть.

– Завтра спрошу у шефа, как он на это посмотрит.

– Мне неважно, как и куда смотрит твой шеф, но если завтра ответа не дашь, возьму билеты на автобус, – жёстко закончила разговор Елена. Это был вовсе не её тон.

Невзирая, что отдохнули мы в Анапе хорошо, дети были довольны, сближения у нас с Еленой не произошло. На фотографиях она льнула ко мне, клонила на моё плечо голову, улыбалась, но улыбки и все эти позы были неестественны для неё, если не сказать – фальшивы.

По совету Елены я таки написал исковое заявление в прокуратуру по поводу невыплаченной мне зарплаты за последние два месяца работы в московском филиале треста. Отсылать заявление, конечно, не стал, отправив его лишь по почте на электронный адрес филиала, с указанием даты, после которой оно будет направленно в прокуратуру официально.

Как выяснилось, такое моё заявление было не первым, и директора в прокуратуре можно было уже видеть гораздо чаще, чем на работе. Однако мой случай видимо показался для него лишним, а выплатить восемьдесят тысяч проще, чем выстаивать в автомобильных пробках Москвы по очередной повестке. И свою зарплату я вскоре получил.

Озеро шефу понравилось. От тропинок и кустарников, где мы первоначально с ним ходили, не осталось и следа, – всё было распрямлено бульдозером, экскаваторами. Сделав замечание подправить лишь одну из сторон, он велел заполнить его водой и запускать рыбу.

Спустя несколько дней, он позвонил мне, осведомился,

как прошло заполнение, как чувствует себя в новой воде пущенная рыба, и кроме прочего, велел:

– Завтра мы с гостями едем к вам на рыбалку, посмотрим, что там у вас и как. А ты сейчас распорядись, чтобы с вечера накопили нам червей. Штук пятьдесят, нет, лучше сто.

Делать нечего: узбеки червей копали, я пересчитывал.

Звонок от генерального директора тюменской строительной компании, всколыхнул меня. Раньше Рустам Алексеевич руководил восточным филиалом нашего треста, но с наступлением «смутных» дней оттуда ушёл и создал свою компанию. И теперь, взяв подряд на строительство нескольких высотных домов, он предлагал мне вести производство работ, хорошую зарплату, отдельную квартиру, деньги на командировочные расходы.

За ужином я рассказал об этом Елене.

– Копать червей для «шефа» приличному мужчине и впрямь должно быть стыдно. Равно как и работать за такую низкую зарплату. А относительно Тюмени думай сам, тут я тебе ничего сказать не могу.

Увидев на столе моё заявление, шеф негодовал

– Знаешь, я сейчас чувствую себя будто облитым грязью! Что, обманул тебя в чем-то, зарплату недодал? Сколько обещал, столько ты и получал! Если не хватает, скажи, добавлю.

– Нет, уезжаю в Тюмень.

– Тридцать пять. Поверь, здесь это больше чем в Тюмени триста пятьдесят.

– Спасибо, но я уже решил.

Наша старшая дочь Анюта учится на третьем курсе Ростовского университета. С началом лета у неё начиналась учебная сессия. Из полученных денег моей московской зарплаты мы смогли закрыть самые «кричащие» задолженности, оставшиеся передали дочери. Платеж за текущий семестр её обучения была возможность отложить на пару месяцев.

У младшей Яночки начались каникулы, и вместе с Анютой мы решили отправить её к бабушке. Моя мама также живет в ростовской области.

Ранним утром мы с Еленой отвезли их на вокзал. У Анюты характер эмоционально сдержанный, скрытный. Неловко улыбаясь, она теплыми словами напутствовала меня в сибирскую командировку, маме пожелание скорейшего завершения затянувшейся госревизии. Яночка плакала. Ей очень не хотелось с нами расставаться.

В дороге, а затем у бабушки, волнение Яны усилилось настолько, что толком не могла говорить, у неё пропал аппетит, а ночью и вовсе не смогла заснуть. Это сильно встревожило нас, и Елена тотчас решила на один день съездить к свекрови и привезти Яну обратно. Утром следующего дня я провожал Елену на тот же поезд, а поздним вечером третьего дня встретил их. Елена с дороги была сердита, Яна молчалива.

– Как твои дела? – после приветствия спросил я дочь.

– Нормально, – не глядя мне в глаза, ответила она, и я

понял, что волнение её просто затаилось.

Наутро позвонив гендиректору в Тюмень, я попросил взять мне билет на ближайший прямой авиарейс, и вскоре из отдела внешних связей компании на мою электронную почту пришли письмо и билет.

Распечатав билет авиакомпании, я вечером показал его Елене.

– А... Ага... – не поднимая головы, пробормотала Елена, не отвлекаясь от дела: что-то искала в кухонном шкафу.

– Что, не хочешь даже бумагу взять, посмотреть, когда вылет? – язвительно спросил я жену.

– Руки в рыбе, видел же, селёдку к ужину чистила, – резко отвечала Елена. – Что, опять не так? Опять жена плохая?

Я и впрямь не заметил, что к ужину будет селёдка.

Все дни перед отъездом отношения с Еленой оставались натянутыми. Ни о какой домашней вечеринке не могло быть речи, и в день перед вылетом я отдыхал со старыми друзьями в кафе. Вернувшись поздно и значительно выпившим, я застал мерно раскачивающуюся в кресле-качалке Елену (непроницаемое, слишком бледное лицо) и грустные глазки Яны. Она всё больше переживала о наших отношениях с женой, предстоящей разлуке.

Сказав Елене какую-то гадость, теперь и не помню, какую именно (вот она, избирательность памяти!), я самостоятельно кое-как уложил вещи в дорожную сумку и отправился спать.

Утром – то же непроницаемое лицо Елены. Просто пожав на прощание руку, она впервые обратилась ко мне на «вы»: – Благополучного вам перелёта, удачи в работе. Обняв меня, Яна улыбалась, глаза её были красные от проступивших слезинок...

Умолкнув, Лев долго смотрел на волнующиеся гребни волн, потом поднялся:

– Ты извини меня, но я, пожалуй, пойду. Узнаю, как чувствует себя в отеле Елена, заодно пообедаем с ней. Сейчас как раз время.

– Не беспокойся, я тоже после обеда съезжу в город по своим делам.

– Ты когда уезжаешь? – спросил он, складывая в пакет полотенце, термос, чашки.

– Послезавтра.

– Мне очень хотелось бы обо всём тебе досказать, – выразительно посмотрел мне в глаза Лев, и я понял, что о главном он говорить ещё и не начинал.

Оглянувшись, я видел, как он в приморском киоске приглядывал для Елены цветастую шаль, выбирал какую-то брошь.

Ночью спалось плохо и на пляж я пришел раньше обыч-

ного. И каково же было моё удивление, когда на шезлонге Льва уже лежали аккуратно сложенные его вещи, а вдали, среди вздымающихся волн мелькала его голова.

– Сегодня пришел сюда с рассветом, – кое-как выбравшись из воды, приветствовал меня Лев.

– Как самочувствие Елены? – спросил я.

– Хорошо. Но сегодня она снова решила отлежаться, выспаться. Сказала, к вечеру придёт попрощаться. Нам завтра тоже нужно ехать домой. Дети соскучились.

Мы пили кофе. Лев растирал расцарапанное до крови о прибрежные камни плечо: волна сегодня и вовсе нешуточная.

...В Тюмени встретили меня хорошо. Сибиряки, теплый народ, – успокоив дыхание, заговорил Лев. – В аэропорт генеральный директор Рустам Алексеевич прислал за мною такси, в кафе с его старшим административным составом мы вкусно поужинали и он лично отвёз меня на недавно снятую квартиру, – в хорошем районе, просторную, в двадцати минутах ходьбы от стройки.

– Располагайся, – помогая донести вещи, весело сказал мне в квартире Рустам Алексеевич. – Жильём мы тебя обеспечили, работой тоже. А личную жизнь уж устраивай сам, невест у нас в городе много.

Елене я позвонил лишь распаковав свою сумку, спустя часа четыре после приземления. От перелёта кружилась голо-

ва, слегка подташнивало, и говорить по телефону не хотелось.

– Долетел нормально, в квартире обустраиваюсь, – сказал я, подумав, что это можно было передать ей и телефонным сообщением. Мельком также вспомнилось, что прежде после посадки я звонил ей гораздо раньше, как правило, ещё до полной остановки самолёта.

– Спасибо, что позвонил, – Елена тоже была со мной кратка.

Уже на другой день я был всецело занят работой. Многие из производственных вопросов уже были согласованны, дела настроены, пришедшим в компанию за месяц до меня мастером Равилем Бекетовым.

Специалистов и рабочих во вверенном мне подразделении было около сорока человек, и в коллективе ходили нездоровые брожения. С первых дней их отношение ко мне большей частью оставалось настороженным, а порой откровенно враждебным. Но так как объем предстоящих работ был велик, меня это занимало мало. Я знал, что с таким вольным отношением к делу нам никак не успеть сделать всё к назначенному сроку.

Введя систему сдельной оплаты, я вскоре нажил себе здесь врагов, большей частью бездельников. Хотя в целом оговорюсь: северные люди много трудолюбивее южан. Когда после подсчета месячного выполнения работ в заработной плате рабочих выявилась разница в два, а порой и более раз,

я слышал угрозы, дескать, «не все из командировок возвращаются здоровыми, народ у нас, сам видишь, сплошь в наколах, и вообще, улицы тут бывают тёмные». Мне же было не до этого: деловая жизнь растит позитив.

В квартире моей недавно был ремонт. Свежие обои, огромная физиономия тигра на зеркальной плоскости шкафа-купе, цвета тигровой шкуры плитка в ванной комнате, – отовсюду смотрел на меня характер хозяйки, уверенной в себе стильной молодой женщины, – любительницы верховой езды, ярких ощущений. Меня же здесь больше забавляла неподвижность, точнее сказать безынициативность обыкновенных бытовых предметов: забытой утром на столе кофейной кружки, сковороды на плите, недорезанного хлеба, крошек, – всего подвижного, в общем-то, живого, – и не смеющего до самого вечера сделать без меня и единого движения, единого поступка.

Спустя несколько недель после приезда, Рустам Алексеевич пригласил меня на корпоратив компании: заставленный закусками длинный стол, музыка, праздничное веселье. С отдохавшей за соседним столом миловидной Людмилой, заведующей отделом Сбербанка, финансирующего наш проект, я танцевал несколько раз.

– Как живете? – сквозь грохот музыки, спросил я её прямо в ухо.

– Глупо, – отвечала она.

– Как-как? Глупо? – засмеялся я, чуть отстранившись.

– Ага...

В другом танце она говорила о работе, о дочери, и попросила меня рассказать о себе.

– Работаю на финансируемом вами участке, живу один, семья далеко.

– Далёких семей не бывает... – усмехнулась Людмила. – Либо она есть, либо её нет.

Закончилась музыка, и я присел к её столику:

– Это почему же так?

– Я больше года жила с одним командированным из Санкт-Петербурга. То

говорил, что разведён, то, что разводится. А в один прекрасный день взял да и пропал. И только спустя месяц соизволил позвонить и сказать, что живет дома, с женой, и всё у них налаживается. А у меня теперь рваная рана – воспалённая, кровоточащая.

9

Елене я в первый месяц звонил всего раз. Спросить о здоровье детей, делах. На все вопросы она отвечала односложно, ограничившись общими фразами, сходу предложила поговорить с Яночкой. Дочь была со мной разговорчивее, однако противоречива: утверждая, что дома всё нормально, всё хорошо, она неизменно спрашивала, «Когда же ты, наконец, приедешь? Дома плохо всё, скучно без тебя».

Я и сам всё больше скучал о Елене, детях. Зная же стоимость перелёта туда-обратно, старался об этом не думать. Когда же мы сдали первое сметное выполнение, я осмелился спросить разрешение гендиректора пригласить на недельку в гости Елену.

– Не вопрос, – сказал Рустам Алексеевич. – Пусть жена твоя отправит на нашу почту данные своего паспорта, мы возьмем ей билет.

Спустя несколько часов я отправил Елене телефонное сообщение:

«Компания оплатит перелёт. Приедешь?»

«Нет, – пришел слишком быстрый, почти мгновенный ответ. – Не хочу больше слышать о твоих несчастьях, что испортила тебе жизнь».

Невзирая, что отношения наши уже давно были натянутыми, если не сказать плохими, такого ответа я не ожидал. День был субботний, к вечеру, и я с трудом продолжил распоряжаться относительно завершения работ к выходному дню. Как бы там ни было, мне всегда казалось, что этот наш негативный этап хотя и не случайный, но временный, ведь за плечами у нас не один десяток счастливых лет семейной жизни.

Через полчаса от Елены ещё одно сообщение:

«У меня появился свой мир. И он мне нравится!»

«Нравится!» – повтор в следующем сообщении.

От волнения у меня стал пропадать голос и плохо слушаться ноги. Оставив опломбировку складов и прочие дела

на произвол, я побрел прочь со стройки.

Быстро идти не получалось: на пешеходных тротуарах меня обогнали минимум полсотни людей, в том числе инвалид с костылем. В квартире едва скинув обувь, я тотчас рухнул плашмя на диван и не в силах был шевельнуться. Спустя лишь полчаса смог выдавить из себя несколько горделивых строк:

«Я чувствовал его, этот твой мир. Именно от него сюда и сбежал!»

«Ошибаешься. Я говорю не об интимной связи», – пришел вскоре обнадеживающий для любого мужика ответ и я начал таять:

«За что тогда так сильно бьёшь? Что я такого сделал? Я ведь приехал сюда с единственной целью – денег в семью заработать. Учебную сессию Анюты оплатить...»

«Не я тебя туда посылала,... и присланной тобой зарплатой сама не пользовалась. Анютин университет оплатила; как ты просил, купила смартфон Яне, а оставшиеся десять тысяч лежат дома, если нужно, вышлю тебе обратно. И оставь для какой-нибудь другой женщины эти свои „самцовые“ переживания. Ты же сам вечером перед отъездом в пьяном виде сказал мне, что фригидна. Видимо так оно и есть».

Волнение моё подхлестнула подплывшая с какого-то бокового притока волна стыда: ведь говорил же, именно так говорил!

«Прости, если сможешь, – написал я ей. – Знаешь ведь, многие слова я бросаю впопыхах, не обдумавши. И удельный вес их весьма невелик. Прости, пожалуйста».

«Умерло то, что всегда прощало в таких случаях, – был скорый ответ, – точка невозврата пройдена. Не хочу, чтобы через десять лет ты снова напомнил мне, что испортила твою жизнь. Так что пока не слишком стары, нужно подумать о создании чего-нибудь нового. Как, например, твои родители – развелись ещё лет двадцать назад, и живут себе каждый сам по себе. Неплохо живут. О срочном разводе тоже не переживай. Слышала я, что кроме уймы времени, это стоит теперь немалых денег».

Её ответы были слишком быстры, надрывны, я чувствовал их боль, что писавши их, она, возможно, плачет. Осознавать, что весь я, вся моя сущность, ей столь неприятны, раздражительны, мне тоже было нелегко. И наперёд зная беспомощность своих слов, я отвечал ей своим привычным пафосным вздором:

«Умершее воскреснет, а к этой точке невозврата мы будем ходить, как раньше по выходным ходили к скалам Очарования, – умиляясь, вдохновляясь».

«Не хочу больше слышать твоё умиление, вдохновенную болтовню, пустые надежды, ... нытьё, жалобы. И вообще, ты отвлекаешь меня, я дома крашу ворота».

«Ворота... – стукнуло в моей голове, – ведь напоминала столько про них, просила покрасить. Зимой вон три недели

бездельничал».

Эмоциональное моё напряжение сменилось вдруг потребностью двигаться, куда-нибудь идти. Наскоро переодевшись, я пешком отправился на городскую набережную и неподалёку от «Моста влюблённых» до поздних сумерек сидел на одном из парапетов одетой в мощный гранит тёмно-коричневой Туры.

На набережной было много гуляющих горожан, – семейных пар с малыми детьми, с колясками, молодёжи на велосипедах, на роликах, домашних животных... «Тюмень – город счастливых людей!»

В понедельник и последующие несколько дней я звонил Елене, – справлялся о её делах, самочувствии. Отвечала она мне нехотя, односложно, ни о чем не спрашивала и после моих слов о себе затягивалась долгая пауза. В те дни Яна простудила ушко, – о её лечении Елена говорила со мной свободнее, подробнее, и тут же прощалась со мной – с явным облегчением.

Чувствуя её напряжение от разговоров со мной, я две недели ей не звонил. Попытки увлечься делами были безуспешны: работа, что называется, валилась из рук.

Ещё недели через две позвонила вдруг Яна:

– Почему ты так долго не звонишь? – со слезами в голосе, набросилась она на меня. Это было не похоже на неё: Яна жизнерадостный человек, у неё всегда «всё нормально».

– Что, случилось что-нибудь?

– Ничего особенного, просто я сережку потеряла.

– Из тех, что я из Египта привез тебе в прошлом году?

Как ты могла её потерять?

– Сама не знаю, может быть, где-нибудь во дворе, может быть, в саду... – хныкала Яна, и я чувствовал, что она что-то недоговаривает.

– Ты не переживай, я скоро приеду, и мы купим тебе новые, в «Галерее» есть кое-что интересное. Вспомни лучше, где ты могла её потерять?

– Приедешь? – оживился её голос. – Это будет очень хорошо. А за серёжку, я правда не помню, возможно мама её в окно выбросила...

– Мама? В окно? Странно... у вас там с мамой всё в порядке? Она совсем не хочет со мной говорить.

– Да ничего,... в общем-то, всё в порядке. Хотя, приезжай поскорее... – протянула Яна, и из её тона я понял, что мне нужно брать билет домой. Съездить хотя бы на неделю.

Рустам Алексеевич не возражал, попросив лишь, чтобы я улетел в следующую пятницу, завершив кое-какие дела.

На следующий день, позвонив Яне, я узнал, что с Еленой на работе случился вдруг странный приступ, вызывали «скорую», и сейчас она дома, спит. Сильно взволновавшись, я попросил Яну, чтобы, когда мама проснётся, по телефону сообщить о её самочувствии.

Когда на моих часах было уже ближе к двенадцати ночи, (дома десять), я телефонным сообщением послал Яне вопро-

сительный знак.

«Всё нормально», – последовал ответ, и несколько успокоившись, я отправился спать.

На другой день я снова позвонил Яне: как мама?

– Не очень... – с растяжкой отвечала Яна. – Она сейчас в душе, сказала, сама тебе перезвонит.

Спустя минут десять Елена и впрямь перезвонила. С телефона Яны:

– Привет, – совершенно незнакомым мне, каким-то слишком звонким голосом сказала она. – Как твои дела?

– Мои дела хорошо, расскажи лучше, что случилось с тобой?

– Да так,... что-то голова временами болит, плохо соображаю, был скачок артериального давления, да,... Я тут для успокоения нервов «Ноотроп» принимала, ещё какую-то дрянь, возможно просроченную, да,... вот и «сплохнуло» немножко, да. Как твои дела?

– Взял билет на будущую пятницу. Если хочешь, в понедельник попрошу директора переслать тебе вторую зарплату. Вышлешь денег Аняте, себе чего-нибудь купите, Яночку приоденете.

– Конечно, очень хорошо, что ты приезжаешь, да. Хорошо, что денег вышлешь, мы тут Яне кое-что купим. Аняте отправлю. Да. Как твои дела?

– Вчера вот зарплату мужикам выдавал. По ошибке зарплату одного выдал другому. Скандал, чуть не до драки...

– Ну ладно, пока, – переменявшимся тоном оборвала меня Елена, и связь отключилась.

Недоумение, тревога моя, только усилилась. Странной была перемена в её голосе, перемена в настроении. После нашей переписки, а тем более последних разговоров эти её «Очень хорошо, что приезжаешь», «хорошо, что вышлешь деньги» были просто немыслимы. Её два раза повторившиеся «Как дела?», пять «да», и так резко оборванный разговор.

Тем не менее, неожиданная радость от показавшегося мне её потепления переполняла меня. Я почувствовал вдруг, что если кое-что починить, что-то подправить, наша семейная жизнь наладится, восстановится.

10

Звонок утром следующего, воскресного дня, вмиг переменял все мои предыдущие настроения. Звонил мой отец:

– Тебе нужно срочно ехать домой, – взволнованно сказал он. – Сейчас я нахожусь у вас, и с Еленой происходит что-то непонятное.

– Что именно? – дрогнувшим голосом переспросил я, и посмотрел на часы: дома лишь половина восьмого.

– Рано утром пришла ко мне Яна, и попросила идти к вам: с мамой происходит неладное. Елена радостно приветствовала меня, была необыкновенно тепла, спросила вдруг разрешения назвать меня «Папой», (впервые!), и говорить мне

«ты». Пригласила на кухню позавтракать. Когда же мы сели за стол, она вдруг резко переменялась, стала бить посуду, разбрасывать кухонную утварь, минут пять повторяла «да, да, да, да». Потом успокоилась, говорит, что просто разболелась голова, и почти ничего не помнит.

– На ближайшую пятницу мне куплен билет домой.

– Конечно, – взволнованно говорил отец. – Это хорошо. Вчера вечером приехала твоя тёща. Сейчас мы с ней приняли решение позвонить вашим друзьям Стасу и Инне. Дожидаемся их, будем просить отвезти нас в больницу. Я ведь совсем не знал, что у вас происходит. Елена всегда скрытна. Яна только сейчас рассказывает, что с мамой уже давно неладное, а последние несколько дней... девочка вся дрожит, руки трясутся, заикается.

Зная ранимую психику Яны, задрожал и я. Выдавлив из себя, «перезвоню позже», отключил связь и стал быстро одеваться.

В офисе «Аэрофлота» мне сказали, что поменять билет невозможно, т.к. куплен он в авиакомпании «Ю-Тейр». Следовало вначале сдать имеющийся билет «Ю-Тейра», затем приобрести у «Аэрофлота». На среду, вылетом из Екатеринбурга.

Офис «Ю-Тейра» здесь же, в соседнем здании:

– Сдать билет, сложности нет, – объяснил мне менеджер, – но возврат денег будет оформлен на банковский счет предприятия, оплатившего его.

Так что поменять билет я не смог. Взять другой, тоже: денег моих было недостаточно. Позвонив Рустаму Алексеевичу, я вкратце рассказал о случившемся в моей семье, и попросил поменять билет на ближайший вылет: в любое время суток, с любой пересадкой.

– Сегодня воскресенье, я в отъезде, в отделах тоже никого нет, – резонно напомнил мне генеральный директор. – Так что займемся этим завтра. Выходи на работу, созвонимся утром.

В волнении я прошел большую часть улицы Республики, присаживался на какие-то лавочки, в «быстро» заходил выпить кофе, и шел дальше – оставаться на месте для меня было невыносимо. Позвонив Анюте в Ростов-на-Дону, я узнал, что с ней связывалась теща, и через пару часов Анята поездом выезжает домой. Радость, что уже сегодня ночью старшая дочь будет дома, сменялась раздражением относительно себя: в расстоянии от дома в пятьсот километров и трёх тысячах, большая разница.

Спустя несколько часов позвонил Стас:

– Мы в неврологическом отделении. Томографию сосудов мозга Елене

пройти не удалось, она не может быть неподвижной. Сейчас врачи путём исключения исследуют основные из возможных заболеваний: опухоль мозга, менингит, энцефалит, – не давая опомниться, в одно предложение проговорил он. Стас офицер, служил в «горячих точках» и знает, как со-

общать подобные вещи...

Лев проговорил это с какой-то растяжкой, буквально по слогам, и дрожащей рукой опять потянулся за сигаретой.

– В понедельник я кое-как занимался делами, – продолжал он. – Несколько раз звонил в наш офис относительно переоформления билетов.

– Пассажиропоток в южном направлении слишком велик, – отвечал мне начальник отдела Александр. – Всё, что удаётся, это переоформить билет на среду. Если хочешь, посмотрю на сайте ещё чуть позже.

– Оформляй, и посмотри ещё позже, пожалуйста, – попросил я его.

Позвонил Стас:

– Мы в больнице. Опухоль и энцефалит врачи отметили, остаются менингит и... психическое заболевание. Состояние Елены нестабильно: агрессивна, взгляд затравлен, явилась мания преследования. Из палаты выгнала нас: предатели! Привезли сюда непонятно зачем! Назначенные успокоительные препараты бездейственны. На консилиум вызвали психиатра.

Спустя ещё полчаса от него сообщение:

«Менингита нет».

После обеда позвонила Аня. От волнения очень быстро упаковываемыми в слова буквами, (это у неё от матери, вмиг вспомнил молодую Елену, её защиту диплома в институте)

она заговорила:

– Ты только не переживай, сейчас был ещё один врачебный консилиум. Преобладающее мнение – психический срыв. Мама неадекватна. Никому не верит, речь несвязна. Так как мы близкие родственники, сейчас нам с тобой нужно принять решение о переводе её в психиатрию. Если хочешь, дам трубку врачу, поговоришь с ней.

– Ей нужно полечиться у нас, это психоз, – негромко, но убедительно сказала мне врач. – Причины его нам пока не известны, и при встрече с вами мы будем об этом говорить. Возможно это от долгой бессонницы.

– Завтра я буду у вас, – сказал я убежденно, и только после вспомнил, что билет мне возьмут лишь на среду.

Чуть позже позвонил Рустам Алексеевич:

– Билет мы тебе ещё раз поменяли. Вылетаешь сегодня в полчетвертого утра, с пересадкой в Шереметьево, завтра в одиннадцать дня будешь в Минеральных Водах, (вот она, связь мысленная! говоря с врачом, я уже об этом знал). Передавай Равилю дела, сегодня вечером на стройке совещание, сходи. А ночью в аэропорт я тебя отвезу.

На совещании я что-то согласовывал, доказывал, и в чем-то убеждал коллег. Вернувшись вечером в квартиру, начал кое-как собирать дорожную сумку, прибираться... тут силы вдруг оставили меня и рухнув на диван, я захлебнулся в рыданиях. Я догадывался, *что* с нами произошло.

Ближе к полуночи мне стало легче. Созвонившись с доче-

рями, я долго беседовал с Анютой, затем с Яной.

Анюта рассказала, что маму перевезли в психиатрию, там ей сделали какой-то укол, после чего она несколько успокоилась и наконец, заснула. Также она сказала, что купила маме кое-что из еды, и смягчившимся тоном добавила:

– Ты только очень уж не переживай, попробуй подремать перед дорогой. Всё у нас будет хорошо. Врач сказала, что это поправимо, лечится. Завтра с дядей Стасом мы тебя встретим в аэропорту. Сейчас передаю трубку Яне... Говори с ней спокойнее, ей очень тяжело, – закончила Анюта и я почувствовал, как дочь моя повзрослела за это время.

– Я так рада, что ты уже завтра утром приедешь! – быстро заговорила Яна. – Хотя ещё целая ночь...

– Как же ты столько дней об этом молчала, скрывала? – спросил я Яну.

– Я же никогда и подумать не могла, что с мамой может случиться такое... она сама мне велела сообщать тебе, что у нас всё нормально.

– Врач говорит, что это, возможно от бессонницы. Как она спала?

– С четверга на пятницу она вовсе не спала, – отвечала Яна. – Всю ночь просидела в кресле-качалке, слушала музыку, писала кому-то телефонные сообщения. Утром поднялась, сказала какую-то ерунду, выключила радио и пошла на работу. Ещё она... выбросила куда-то свой сотовый телефон. Сказала мне, что потеряла. Ещё... Что теперь с нами

будет?

– Успокойся, Яночка, – выслушав дочь, как можно мягче сказал ей я. – Завтра я буду дома, и всё у нас наладится.

– Приезжай поскорее, ты нам очень нужен. Очень. Скорей бы это завтра... я не смогу заснуть.

Заснуть не удалось и мне. Явившаяся вдруг откуда-то музыка зазвучала и в моей голове... громче, громче.

В самолётах я впервые отказался от предлагаемых «легких завтраков», и тревога «насколько жесткой будет посадка» впервые не овладевала мной.

11

В аэропорту Минеральных Вод я был поражен переменой в лицах встречавших меня детей: похудевших, повзрослевших. В волнении я попросил Стаса не заезжая к нам домой, прямиком ехать в больницу к Елене.

– Мы, конечно, поедem к маме, но вначале лучше заехать домой, – логично возразила Аня. – Звонила врач, и просила привезти кое-какие документы мамы. А тебе нужно выпить успокоительных капель.

Дома, меня, прежде всего, поразила всеобщая запущенность: поросший бурьяном сад, запылённый двор, паутина на стенах комнат, вялые цветы на замусоренной веранде.

Беспорядок был кругом. Лишь только в дальней спальне, куда почти тотчас с многозначительным видом увлекла ме-

ня за собой Яна, я увидел относительную упорядоченность: в явившейся откуда-то большой коробке из-под принтера были аккуратно уложены мои вещи.

В углу на кухне стояло ведро с застывшей эмульсией для побелки, банки с краской, кисти.

– Это мы с мамой собирались делать ремонт, побелить стены. Да всё как-то не получилось... – дрогнувшим голосом, пояснила мне Яна.

Тяжкий ком подступал и к моему горлу.

Наспех собрав документы, мы с Анютой отправились к Елене.

На звонок наш у дверей женского отделения психиатрии из-за занавески соседнего окна живо откликнулось несколько затуманенных неухоженных лиц.

– Эти нам дверь не откроют, – усмехнулась Анюта. – Ключи строго у персонала.

«Где-то среди них *она*». – Снова подкативший к горлу ком.

Пригласив в свой кабинет, лечащий врач Анна Александровна, с облегчением сообщила мне, видимо, немаловажную новость:

– Ночью она спала. На первое время я назначила ей небольшие дозы нейролептиков, антидепрессанты. Сейчас нам важно найти причину, приведшую к этому нарушению.

– Спрашивайте.

– Мне ваша старшая дочь рассказывала, что в семейных

отношениях у вас в последнее время было не всё в порядке. Говорила о ваших командировках. Мне также важно услышать от вас о религиозных устремлениях Елены. Не могло быть так, что она вступила в какую-нибудь секту? Слышит какие-нибудь посторонние голоса?

– Относительно секты вряд ли, а в наших личных отношениях действительно наметился разлом, – я вкратце рассказал о нас, сделав ударение на нашу с Еленой недавнюю переписку.

– На контакт она пока ни с кем не идёт. Сходите сейчас к ней в палату, попробуйте пообщаться. С вами она, вероятнее всего, говорить будет. Потом сообщите результат мне: от этого зависит, какие препараты ей назначать.

По пути в палату с трудом унимая дрожь, я боялся попросту жену не узнать. Однако, войдя, увидел её сразу. Глаза прикрыты, припухшее лицо искажено мучительной гримасой:

– Привет...

– Привет, – отвечала Елена, чуть приоткрыв глаза, в лучах которых был будто рассыпан золотистый песок. Казалось, что он бугрится, мешая свободно двигаться векам.

Внутренне содрогнувшись, я спросил её:

– Узнала меня?

– Ещё бы я тебя не узнала... – попыталась усмехнуться жена. Вышло мучительно.

– Врач спрашивала о каких-то голосах, не слышишь чего

постороннего?

– Слышу лишь твой недовольный голос... – медленно отвечала Елена и прикрыла глаза. Она спала.

Дома я не находил себе места. Чувство, что это я, я, я, довёл её до этих глаз, этой постели, раздирало, кромсало меня. Сказав детям, что ненадолго отлучусь, я снова поехал к Елене. Купив по пути небольшой букетик цветов, и любимые ею ассорти из сушеных фруктов, я снова пришел в палату:

– Как ты?

– Нормально, – медленно проговорила Елена и, приняв букет, долго его рассматривала.

– У тебя ужасная палата, – кивнул я на лежащую рядом сухоножку старушку, этакое чудище с развороченным глазом.

– Это она сама себе глаз вилкой расковыряла, поэтому теперь здесь, – равнодушно объяснила жена, заметив мой взгляд.

– Может быть, попросить, чтобы тебя перевели подальше от неё?

– Не нужно. Мне и здесь хорошо... – спокойно проговорила Елена.

Это её спокойствие и равнодушие окончательно подорвали меня, всю мою кое-как державшуюся в продолжение дня устойчивость. Слезы душили. Припав на колени к её кровати, я обливал слезами её вяло свисавшую ладонь: «Прости,... прости, пожалуйста».

– За что? – посмотрела она на меня и словно лапку в пан-

цирь черепашки убрала обратно под одеяло мокрую ладонь. Взгляд её был мутный, рассеянный, однако этого жуткого песка, в них почти не было.

– Не расстраивайтесь, – успокаивала меня провожавшая до входных дверей пожилая санитарка. – Это пройдёт. С некоторыми женщинами в жизни такое случается.

Покая не было. Зная, что *потеряла* она голову не из-за меня, я столь же твердо знал, что виноват в этом именно я, – понизив голос почти до шепота, проговорил Лев и надолго стих.

12

К вечеру волнение моря слегка улеглось, и на западе сквозь тучи стало пробиваться солнце. В его широко струящихся лучах бугрились волны, поблёскивали пенные гребни.

По просьбе Льва, мы пошли вдоль берега собрать для костра сухих веток, деревянных обломков, так как использовать выброшенное морем за последние сутки шторма было невозможно, всё сыро. Под дальней скалой мы нашли сухую корягу, и волоком притащив её к нашим шезлонгам, принялись ломать, готовить костёр.

Из отеля к нам спустилась Елена. Посидев около получа-са, она поднялась:

– Пойду, вдоль берега прогуляюсь...

– Мне с тобой? – спросил её Лев.

– Нет. Хочется побыть одной. Я скоро приду.

Проводив её взглядом, Лев продолжал:

– Новость о болезни Елены среди родни распространялась стремительно: то и дело мне и Анюте звонили родные и близкие. Справляясь, как у Елены дела и дотошно уточняя, где именно она теперь находится, приводили примеры чего-то подобного, случавшегося у каких-то знакомых, чего-то вычитанного в какой-то книге, и давали никчемные, раздражающие своей беспардонностью советы.

Нам же с детьми хотелось уединения. Не хотелось слышать ничьих советов, примеров, вообще, никаких звонков. Единственным абонентом, чьё недавно внесённое в телефонную книгу имя с каждым часом становилось всё значительнее, была врач Анна Александровна. Чувствуя, что своими звонками досаждаю ей, я ничего поделать с собой не мог: звонил ей несколько раз.

Оставив общение с приехавшими родственниками на произвол, вечером мы с детьми втроём поехали в Курортный парк. Прогулявшись, сели на свободную лавочку и прижавшись, друг к другу, говорили, говорили: каждому требовалось высказаться, высвободиться от скопившегося тяжкого груза.

Повеселев, Яна предложила послушать недавно загруженную музыку из своего нового телефона. И в желтоватом свете паркового фонаря мы долго слушали звуки ночных городов, каких-то столиц, бесконечных песчаных пляжей, – что-

то очень далёкое, мелодичное.

Начиналось наше возрождение. Мы с дрожью в голосах вспоминали о недавнем прошлом, говорили о настоящем (во сколько утра завтра поедем к маме?) и с надеждой заглядывали в будущее, – выздоровление Елены, обязательная поездка на море, продолжение задуманного ею ремонта.

Побывав на другое утро в больнице у Елены, мы нашли её в гораздо лучшей форме: она вышла к нам во внутренний дворик, и за небольшим столом поела наших гостинцев. Препараты Анны Александровны весьма замедлили ход её мыслей, движений, но это были уже адекватные мысли, адекватные движения.

Рано вставая по утрам, я в несколько дней очистил от бурьяна наш сад, привел в порядок двор. Анюта готовила разные вкусности и два раза в день мы ездили к Елене, кормили её. Невзирая на психическое расстройство, аппетит у неё был.

Следом за садом пришла очередь побелки стен дома. Размешав купленную Еленой эмульсию, я покрасил стены, дети мыли кухонную утварь, шкафы, холодильник. Вскоре к нам присоединилась тёща, и вместе мы споро приводили дом в порядок.

Спустя неделю мы приступили к уборке веранды, и там опять по вечерам стали пить чай, общаться. Наши прогулки в парках стали почти ежедневными. Иногда мы в прокат

брали велосипеды, и подолгу катались по дорожкам и аллеям. Я заметил, что езда на велосипеде полезна для нарушенной психики Яны, вообще очень нравится детям, и это стало нравиться мне. Ещё мы для Яны купили в аптеке детские успокоительные капли, и состояние её заметно улучшалось.

В выздоровлении Елены, конечно, не всё было гладко и ровно. Порой мы слышали не присущие ей фразы, замечали непривычный нам ход её мыслей, но в целом, дела шли на поправку. Её отношение ко мне очень разнилось день ото дня: порой она была со мной тепла, приветлива, позволяя целовать себя в щечку, прижималась ко мне, и разок даже мы прошлись с ней под руку: гуляющие душевнобольные женщины приветливо уступали нам путь на узкой дорожке.

В такие минуты ускользала куда-то вглубь живота ревность, таяла тревога, и только покалывающая где-то в голове мысль огорчала меня: большая часть этого моего умиления основана на её эйфории от лекарственных препаратов.

Порой же напротив она бывала со мной отчетливо реалистична, холодна, особенно когда приходил к ней один. Приехав как-то утром, я застал её сидящую на постели и в задумчивости глядевшую сквозь зарешеченное окно: моросил осенний дождь.

– Вот думаю всё, думаю, ... как мне жить дальше? Что делать? – после приветствия проговорила она.

– Яна говорила, хочешь квартиру снимать, отдельно жить?

– Да. Хочется самостоятельности, свободы. Ни перед кем

не быть ответственной, не иметь никаких обязательств. Красиво одеваться, свободно деньги тратить.

– Я подавлял тебя?

– Да.

– Свобода эта мнимая. На честную зарплату её быть не может.

– Ну и пусть эта зарплата будет нечестная, пусть не твоя... пусть это вообще будет другой человек.

От подступившего волнения я смог лишь у неё спросить:

– Кто он? Южная молодёжь, горячая кровь?

– Телом я тебе не изменяла,... я писала тебе об этом, – медленно проговорила Елена, и, помолчав, добавила: – ... Но душа моя не с тобой. Так.

– ...У меня давно нет к тебе женского желания, – продолжала она выгружать на мою голову эту грудку отборных валунов. – Не то чтобы быть с тобой, даже разговаривать. Здесь же другое – мне хочется говорить с ним, хочется рассказывать ему всё своё,... не знаю, как это выразить. Он действительно молод, хорош собой, мы работаем в одном отделе. А тело моё в последнее время как-то замерло. Помнишь, вечером перед отъездом в Тюмень ты сказал мне об этом: фригидна. Тогда я обиделась, а теперь понимаю... именно так.

Я верил ей, и не верил. В платоническую любовь сорокалетней женщины мало кому, дано верить.

– Видел, какое я себе купила платье? – улыбнувшись, Еле-

на добавила моим мыслям соответствующей динамики: – Жёлтое, лежит на полке в шкафу?

Вернувшись домой, я нашел это жёлтое платье. За ним, в глубине полки увидел её сотовый телефон, – почему-то в разобранном виде, с отключенной батареей и вынутой сим-картой. Инстинктивно протянув к нему руку, я тут же одернул её, – чувствуя, зная, что там скрывается для меня много всякого тяжкого.

Вынув платье, я с горечью развернул его: красивое, праздничное, но праздника уже не моего, стороннего, чуждого. И всё-таки следовало признать, что именно оно, это жёлтое платье было единственной достойной её покупкой, можно сказать поступком за весь период моего отсутствия. Всё остальное – в запустении.

Мне не хотелось увидеть, узнать этого её молодого человека, у меня не было к нему ревностной неприязни, – было ясно, что инициатива в этой родившейся привязанности в Елене.

Ревность пересиливала боль – бессилия, беспомощности духовного влияния на её сердце. Я вспоминал, что, будучи молодым, не раз слышал от женщин нечто подобное. Женщин замужних, разведённых, брошенных, – подавленных духом, волею, истерично сражающихся с бытовыми неурядицами, надвигающейся старостью, и податливых к любому сексуальному поползновению.

Тем не менее, я был счастлив в те дни. Сближение

с детьми, теплота в общении с ними делали каждый из них необыкновенно радостным, праздничным. С Еленой же довольно было и того, что она позволяла мне и о чем просила: поддержать неловкий её ход на ступенях дворика, сделать массаж головы, купить халатик, колготки, шампунь... попросить врача, перевести её, наконец, в другую палату. В общем, возглавить весь сонм разнообразных житейских мелочей, сопровождавших её теперешнюю жизнь. И жить с этим оставшимся из возможного, было для меня приятно.

Близилось первое сентября, и мы готовили Яну к школе. Втроём с Анютой и Яной ездили по магазинам, покупали ей кофточки, блузки, канцтовары. Меня умиляла её детская непосредственность, женское внимание ко всем этим хорошеньким мелочам: одежде, обуви, заколке для волос, и я чувствовал, как в командировках далеко отошёл от естественных человеческих радостей.

Окрепнув, Елена стала проситься домой, но Анна Александровна выписывать её не спешила.

– Елена всё также с нами скрытна, – говорила она. – Однако полагаю, что причина этого расстройства кроется в нарушении вашей семейной гармонии. И для восстановления её психики теперь потребуется не один месяц. Кроме того, ей нужно обязательно проверить свой гормональный фон. Дефицит определённых гормонов может затруднять химический обмен в клетках мозга... у женщин в подобном возрасте такое случается.

От этих слов у меня холодело внутри. За почти четверть века совместной жизни я так и не узнал ни химическое, ни тем более духовное строение жены. Было очевидным, что болезнь её имеет начало задолго до этого, возможно ещё с моей московской командировки.

Перспектива оставаться ей здесь надолго (залечат!) тревожила всех нас, и я не раз звонил Анне Александровне с просьбой о выписке.

– Поверьте мне, ни одного лишнего часа ваша жена здесь не будет, – раз за разом мягко повторяла мне Анна Александровна, и я невольно соглашался: всеми позитивными переменами в состоянии Елены мы были обязаны только ей.

По распоряжению Рустама Алексеевича мне по делам производства пришлось снова лететь в Тюмень, но теперь я чувствовал себя гораздо спокойнее, увереннее, ибо знал, что Елена на пути выздоровления. И какова же была моя радость, когда позвонив Анюте перед обратным вылетом из тюменского аэропорта, я вдруг услышал, что Елену из больницы выписали, и вместе они едут домой! Не помня себя, встал к ближайшему хвосту идущих на посадку людей. И только увидев мой билет, симпатичная девушка-контролёр поправила меня:

– Здесь на Салехард. Москва, – там!

– Ох... – засмеялся я. – Чуть в Салехард не улетел!

Уже вскоре после выписки Елена попросила поездить

по магазинам, придется, – ей очень хотелось выйти на работу, вернуться в отдел здоровой, помолодевшей, блеснуть новыми нарядами. И, невзирая на боль, мне было приятно ухаживать за ней, подавать для примерки платья, выбирать сумочки, кофточки. В новых одеждах она стала и впрямь хороша, постройневшая, повеселевшая. И только в глубине её глаз время от времени мелькало затаившееся беспокойство, застывшая тревога...

...Мы славно провели эти дни, не правда ли? – повысив голос, спросил Лев вынырнувшую вдруг из пляжных сумок Елену.

– Правда-правда... – усмехнулась Елена, и, сев ближе к костру на шезлонг Льва, прижалась к его плечу. – У меня прошедший год прошёл в тумане, глубоком тумане. Вначале я много переживала за всё, нервничала... потом, как теперь выяснилось, сахар за двадцать, диабет. А дальше и вообще сплошной туман. Я и сейчас слабо понимаю, что со мной было. Однако здесь в голове заметно прояснилось.

– Да-да, недавно мы узнали, ещё одну причину случившегося душевного расстройства, – добавил Лев: – При приёме в больницу лечащий врач неврологического отделения почему-то не придавал значения уровню сахара в анализе крови Елены. А по выписному листу перевода в психиатрию, сахар превышал норму более чем в три раза. В психиатрии же решают проблемы глобальные, и деталями вроде сахарного

диабета заниматься там недосуг. А ведь эта болезнь чревата и психическими расстройствами. Так что Анна Александровна была права, рекомендуя исследовать химический состав жены.

Теперь вот лечимся: диета, таблетки.

Глядя на затухающие сполохи пламени, мы долго сидели молча.

– Пора нам... – негромко сказала Елена и поднялась.

– Ну, прощай, – Лев тоже встал, и крепко пожал мою руку. – Огромное спасибо, что выслушал меня. Я очень рад нашей случайной встрече!

– Как же теперь работать будешь? – спросил я его напоследок.

– До Нового года придётся летать в Тюмень, завершать начатое. А дальше не знаю,... компания выиграла крупный подряд на строительство жилого комплекса в Сургуте, но я не уверен, что смогу продолжать работать в командировках. Что-то надорвалось в душе...

Попрощавшись, они стали неторопливо удаляться во тьму и Лев вдруг обернулся:

– И береги свою жену. Меньше жалуйся ей на свои проблемы, а главное, не оставляй надолго. Ибо всё, что связывает нас с женщинами, всегда очень важно, всегда серьёзно, – в отсветах костра издали крикнул он мне и шагнул вдогонку Елене.

Грушевая роща

рассказ

1

Это случилось со мной в заснеженном январском Нальчике несколько лет назад. Сложилась деловая встреча: стёршиеся с ладоней рукопожатия, стопка согласованных бумаг, канувший в небытие фуршет. С гостеприимными партнёрами была прогулка по главной улице города, выставочный зал, кафетерий, где на видном месте красовался большой рекламный плакат музыканта Димы Билана.

«А знаете, что Билан родом из нашей республики? Здесь недалеко есть селение Урвань, он жил там...» – заметил южный коллега, поймав мой взгляд.

«Нет же, он из Аушегира, – возразил другой собеседник, – это его бабушка живет в Урвани. А вообще, детство он провёл в Хасанье...»

...Знаю, помню. Названия этих посёлков, невзирая на приличное отдаление во времени (лет около сорока) вижу вполне отчётливо – на маршрутных табличках замызганных автобусов нальчикского пригородного автовокзала. Когда нам с братом было лет по семь-восемь, мама работала

там уборщицей. Дело было зимой, серый халат матери, снежная слякоть перронов, грязь. В её руках оцинкованный короб для мусора, веник, и всюду пошлость мужского заигрывания: матери 29, осужденный по политической статье отец уже второй год в тюрьме «Каменка». В расположенное рядом с тюрьмой одноимённое селение ходили отсюда автобусы, и наименование маршрута в правом нижнем углу их лобовых стёкол имели особенно удручающий подтекст.

Желая отвлечь нас с братом от неприличных интерьеров действительности, мама обращала наши взгляды вверх, к модульным перекладинам кровли и верхним окнам зала ожидания. Случайно влетавшие в зал воробьи и голуби взволнованно металась в закрытом пространстве, не замечая витринных стёкол, часто о них бились. Падающих на подоконник полуживых птиц с окровавленными клювами сердобольная мать подбирала, клала в ведро и относила в привокзальный палисадник – авось выживет. После мы с братом ходили на них смотреть, и почти всегда птиц на месте не оказывалось, – улетали, либо становились жертвами хищно косящихся в нашу сторону котов.

Бригадиршей матери была матёрая уборщица Деляра, – большая, дородная, сверкающая золотом зубов и ряженная в блёсткое татарка. Её сын не то за насилие, не то разбой сидел в той же «Каменке»... – впрочем, эта ветвь памяти давно уже сухая. К счастью, ей не удалось разрастись до деревобразующей: отработав вокзальной уборщицей несколько

месяцев, мать уволилась.

Чай выпит, пирожные съедены.

«Может быть, вас до вокзала проводить? Знаете, как добраться?»

«Спасибо. Знаю. В детстве мне довелось несколько лет жить в вашем городе».

«Это же интересно... расскажите?»

«Увы, но интересного здесь немного. Рассказать впечатления детства, мне едва ли удастся. Так что всего вам доброго. Спасибо за гостеприимство».

До отправления поезда оставалось несколько часов, и я решил прогуляться в курортной части города, которого не любил, и никогда уж не люблю.

2

Зима в Нальчике особенная. Редкий для южного города снег всегда здесь необыкновенно мягок, пушист. В безветренную погоду его выпадает много и как-то разом. словно блуждавшие вдоль кавказских вершин снежные тучи находят наконец долгожданный покой, и с тихим умиротворением опускаются на город.

Увенчанные снежными шапками высокие ели голубеют в предвечерних сумерках. Тронешь одну из лап, и с глухим шорохом на тебя осыпаются вороха сонного снега. Прохлада его и впрямь будто из снов, но летних, – как лёгкое веяние

по лицу свежего ночного воздуха из приоткрытого окна.

Наискосок пересекаю большую пустынную площадь у здания республиканской администрации.

В курортной части бывшей Республиканской улицы меня вяло обгоняет троллейбус первого маршрута. Припорошенный снежной пылью дряхлый могикинин скрипит своими гнутыми рогами по обледелым проводам. В период той нашей жизни в городе как раз строили троллейбусные линии. Помню расставленные повсюду столбы электропередачи, чуть розовые бухты медных проводов, какие-то стяжки, скрепки, поблескивающие боками на весеннем солнце новенькие троллейбусы. Смутно припоминается и моя первая поездка на одном из них. Кажется, я тогда уже знал, что в подобных случаях люди загадывают желание, и наверное, тоже что-то загадал. Вероятнее всего, это было навеянное от родителей желание поскорее продать дом и уехать из этого города.

Большинство городских улиц переименовано, и эта Республиканская, называется теперь иначе, но всё не попадает с её новым названием. Однако пресловутая пивная, – огромная деревянная бочка-кафе на парковой площади, – всё та же. И то же скопление нетрезвого люда у входа. В периоды социальных потрясений жизнь некоторых зданий особенно интересна: стремительно ветшают одни, рушатся до основания другие, вырастают в модных красках стекла и бетона третьи, и посреди этого калейдоскопа, вдруг

обнаруживаются совершенно не тронутые обстоятельствами и временем здания, вполне жизнеспособные и действующие по столетиями сложившимся экономическим принципам.

Пансионату «Грушевая роща», куда направляюсь, судьба назначила забвение. Сквозь поросшую буйным кустарником и мелколесьем территорию парка в сумеречном тумане едва просматривается давно остывший, полинявший стеклобетонный корпус столовой и витрины примыкающего к основному зданию танцевального зала и кинотеатра. Приваленные снегом заросли столь густы, что отыскать некогда асфальтированные тротуары, удалось лишь по ржавым опорам парковых фонарей. Пробираясь сквозь брызжущую с веток снегом чащу, слева от себя замечаю небольшой взгорок, на вершине иссохший остов какого-то дерева – груши? Да-да, вспоминаю... однажды летним вечером, в ожидании окончания ужина в столовой, мы с отцом сидели на этом взгорке. Одну за другой отец отыскивал в траве опавшие с дерева плоды, протирал исподней частью дорожной куртки, с аппетитом ел, и угощал меня. Рядом несколько пустых объемистых сумок, я стыжусь своих и отцовых запylённых одежд (приехали мы сюда на мотоцикле), наблюдая, как прогуливающиеся по тротуарам нарядные курортники осторожно косятся в нашу сторону...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.